

Александр КОСТЮНИН

г. Петрозаводск

АБХАЗИЯ: ВОЙНА И МИР

(ДНЕВНИКИ ПОЕЗДКИ)

журнальный вариант

Символы Абхазии

*Воронья лошадь
особые привычки имеет.*

Абхазская пословица

Уже несколько дней я в Абхазии и, признаться, чувствую себя растерянно...

Коренных, явных отличий в укладе, образе жизни не приметил. Закавказье, а в ходу рубль, никаких вам мечетей, азанов, хиджабов. Говорят все на чистом русском!

Хочу определиться: какие они, «Символы Абхазии»?

Придётся копать глубже!..

Я решил подробнее ознакомиться с обрядами абхазов, а коли представится возможность, то и самому поучаствовать в них. Орчукба Валерий предложил:

– В селе Ачандара годовщина похорон двоюродного брата, хочешь – поехали с нами.

– Конечно, хочу.

Траурные обряды

По мнению хозяина дома, годовщина смерти отмечалась «скромно»: пригласили только самых-самых близких, человек четыреста, не больше... Там, на людях, я к провожатому старался с расспросами не приставать, но на обратном пути не утерпел:

– Валера, теперь комментарии...

– Хоронят у нас на третий или четвёртый день. Когда человек умирает, начинается «плакание» – ритуал, при котором женским плачем-воплем оповещают округу о постигшем горе. Раньше женщины-плакальщицы раздирали в кровь лицо, мужчины ударяли себя кулаком в сердце, зимой стояли на снегу босиком, усиливали страдания. У нас принято, чтобы близкие родственники публично демонстрировали тяжесть свалившегося на них горя. Сейчас такое встречается реже, молодые девицы максимум помаду сотрут, тональный крем. Раньше соседи тоже приносили еду, но всё скромно. Теперь, помимо де-

Свадьба

нег, на поминки, на свадьбу, на похороны нужно нести в корзине шампанское, торт, конфеты. Мамалыгу на похоронах не ставят, как в старину, – хлопотно. Перешли на хлеб, проще купить. Не прийти не почувствовать горю соседа, близкого – у нас нельзя. На заседание парламента не придёшь, тебя поймут. Не явился на свадьбу, похороны – проклянут. Поэтому сегодня мы закрываем лавочку и всей семьёй, непременно всей! едем на поминки. Не подсчитываем недополученную выручку... Я не могу отправить в качестве делегата жену или другого полномочного «представителя», потом за всю жизнь не отмыться... Позор! Родственники забудут про поминки, забудут, зачем собрались: «Где Валера?» Моё непоявление всем бросится в глаза. Все тут же ломанутся навесить: раз сам не в силах передвигаться на ногах, значит, со мной случилось что-то ужасное! Причина неявки должна быть крайне убедительной, алиби – железобетонное. Например, тебя в прямом эфире показывают с Путиным... Включили телевизор, убедились: точно, можно дальше скорбеть.

Если в старину на похоронах, на свадьбах бывало по тридцать-сорок человек, то сейчас до двух-трёх тысяч. Круг друзей расширяется: вместе учились, вместе в группе «Вконтакте», вместе в «Одноклассниках»... Благодаря транспорту встречаться стало легче (пешком по горам далеко не уйдёшь). Мобильные телефоны, которые у новорождённых висят вместо соски, облегчили процедуру оповещения. Ещё и по телевизору объявят вместо новостей. Раньше рыдание талантливой плакальщицы разносилось максимум на три-четыре километра, сейчас СМС-рассылка накрывает сразу всю Абхазию одним кликом. Зона поражения горевестника выросла в сотни раз. Пока на посещение протокольных мероприятий у меня уходит пятьдесят дней в году. Дальше – не знаю... Например, сегодня нужно посетить двое поминок, в выходные – четыре свадьбы. И выкручивайся как хочешь.

– Но ведь количество приглашений растёт в геометрической прогрессии, – осенило меня, – и, возможно, скоро все жители страны соберутся на одном большом поле – на общем траурно-праздничном обеде. Тогда отпадёт необходимость уходить домой на ночлег, каждый будет передвигаться со своей раскладушкой по кругу: в одной пацхе присоединится к свадебной процессии, в следующей выразит соболезнование родственникам усопшего, дальше поминки, день рождения... Похоже, в Стране души это время недалёко.

– Апусара... То, что раньше нас спасало, теперь может погубить.

Всё примерно как у нас в России: обворожительно-загадочная невеста в белоснежной фате, симпатичная свидетельница, гости, хмельное застолье... Особинка одна: жених на свадьбе не присутствует. В Абхазии считается, жених к этому мероприятию не имеет никакого отношения.

Я поинтересовался, бывают ли у них кавказские пленницы? Невест, как выяснилось, воруют и в Абхазии, но чаще для того, чтобы избежать обременительной дорогостоящей процедуры застолий и разного рода взаимных подношений. Обычно это спектакль, хотя заключения бывают. Отар Ломия, Герой Абхазии, рассказал:

– Проезжаю село, мельком обратил внимание: девушка стоит у обочины. Ну, стоит себе и стоит. Почти поравнялся с ней, она возьми и кинься прямо под колёса. Хорошо, асфальт сухой, сумел затормозить. Замуж выдали насильно. Кричу:

– Дура, найди другой способ уйти из жизни, раз так охота. Из-за тебя ещё посадят на старости лет.

* * *

Скрипучая арба, запряженная парой волов, – образ Абхазии, ушедший в историю безвозвратно. «Свадьба без жениха» тоже не полностью характеризует этот закавказский край. Есть и другие символы... Как раньше, так и сейчас чистый зелёный шелковистый ковёр по-прежнему составляет неприменную принадлежность двора. Вот как это описано у Константина Симонова: «Я вижу абхазские и мингрельские деревенские дома, чем-то похожие на свайные постройки, – традиция, оставшаяся от старых времён, когда вокруг Сухум-Кале тянулись болота и топи. Зелёные сухие и жаркие жилые комнаты на вторых этажах, а внизу только кухни и кладовки. А перед домами от самых ворот до самых дверей – ровные, как стол, курчавящиеся короткой травкой, чистые полянки – такие, словно хозяева хотят сказать гостям: входите, и пусть ничего не мешает вам открыть двери нашего дома!»

Рядом с домом хозяйственные постройки; плетёный либо дощатый кукурузник на высоких столбах (аца), сарай для скота...

Одежда абхазов

Башлык, ноговицы, кавказский пояс с кинжалом, бурка, палка-посох с железным наконечником (алабашья) – так в старину одевались абхазские горцы. Сегодня только старшее поколение сохраняет некоторые элементы национальной одежды, да и то лишь по праздникам. (В прошлом году старики рекомендовали президенту Абхазии прийти на инаугурацию в черкеске, папахе, но он не решился...)

На память о поездке в Абхазию и, дабы прививать дух горцев в семье, я привёз внуку черкеску, сшитую под заказ.

Абхазская кухня

Абхазскую пищу невозможно себе представить без соли с перцем (словно песок из бархана Сарыкум). Моя любимая приправа аджика тоже неожиданно оказалась абхазским изобретением. Рецепт её довольно сложен. Кроме поваренной соли, жгучего красного перца и чеснока, в неё входит целый ряд пряностей: кориандр (ахусхуа), грецкий орех (акакан) или фундук (араса), укроп (акама), василёк или базилик огородный (ара-дана), шафран или чабер садовый (ашчыбра), мята (ашь-ыху), а также винный уксус.

Но первым делом – традиционная «абыста»! особенно во время приёма гостей. Каждому гостю – свежая мамалыга! Именно в неё, горячую, закидывают брынзу и подают с аджикой, варёной фасолью. (Вкусом мамалыги я не проникся...) Это горячая слипшаяся бессолая каша из манки и кукурузы...

Не имею права в этом разделе с восхищением не упомянуть чачу и сухое вино.

Культура

Вихревые танцы есть по всему Кавказу, но в Абхазии зрелище тоже, вам доложу...

А вот песни на исламском Кавказе, а он, как правило, весь исламский, петь Кораном строго запрещено (как и рисовать, и лепить, и т. д. и т. п.) В Абхазии – можно и почётно.

Личности

Ну, самый-самый яркий из абхазов, бесспорно, Лаврентий Берия.

Рассказывая о своей амурной связи с всемогущим министром, его любовница-поневоле вспоминала:

«Я отдавалась, как страна – грузину». Односельчанин Лаврентия Павловича из села Мархаул, а ныне глава администрации Гулрыпшского района Эшба Тимур Владимирович поведал мне:

– Берия был талантливым кризисным менеджером. Считается, что он незаконнорожденный: отец абхазский князь Лакербай, мать – простолюдинка. Его племянники рассказывали, что с детства он любил наушничать, ябедничать, друзей не имел.

Весь наш бескрайний Советский Союз помнит Берия как одного из талантливых организаторов всесоюзного движения «Настроичи донос на друга».

А вот ещё абхазские символы, о которых я писал ранее и буду впереди: ажьрацъра; айныхра; кияраз, ауаахэ; ажира; аныха; ахапца; алабаша; анча инохера; амашир алпха; ааюны анхера; аламыс; отсутствие расписания движения автобусов и программы передач на ТВ Абхазии; акыта; ахацара; абхазский язык; пацха; ацапа; Гагра; Пицунда; Кодорское ущелье; мандарины; ярмо на свиньях; чистое Чёрное море; Фазиль Искандер; абырк; «Брехаловка»; махаджирство; Шалва Денисович Инал-ипа; Бог воровства и разбоя Эйрих-Аацных.

Штрих к историческому портрету

Интересно вспомнить традиции Апсны при советской власти...

В апреле 1976 года бюро Абхазского обкома КП Грузии приняло специальное постановление «О состоянии работы и задачах партийных организаций Абхазии в свете постановления ЦК КП Грузии «О мерах по усилению борьбы с вредными традициями и обычаями». В нём отмечается, что, несмотря на заметное уменьшение числа проявлений консервативных обрядов, всё большее распространение новых обычаев и т. д., «никаких оснований для самоуспокоенности в борьбе с вредными пережитками прошлого и всякого рода чуждыми нравами у нас нет», что, в частности, всё ещё встречаются стяжательство в разных формах, рецидивы устройства многолюдных помпезных свадеб и похорон («айныхра», «келехи»), сопровождающихся пьянками, подчас приводящими к хулиганским поступкам и преступлениям, вплоть до убийства».

Борьба с самобытными обрядами – не инициатива грузино-абхазской элиты!

Советская власть культуры самобытные уничтожала, а на их руинах возводила культуру «пролетарскую».

Дедушка Ленин учил: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой её можно строить пролетарскую культуру – без такого понимания нам этой задачи не разрешить». Вместе с тем, – указывал он, – интернациональная пролетарская культура воспринимает не «национальную культуру» в целом, «а берёт из каждой национальной культуры исключительно её последовательно демократические и социалистические элементы».

Планировали из мозаичной культуры каждой нации выковыривать отдельные элементы... у кого глазик, у кого ногу, палец, ухо и выкладывать картинку советскую – одну на всех.

Отцы и дети

*Старший – это тень,
спасающая от жгучего солнца.*

Абхазская пословица

Нугзар сутуло поднялся, придерживая до краёв налитый бокал:

– Сейчас скажу, хороший вещь скажу. В поэме Церетели «Наставник» главный герой, абхаз, лишает себя жизни за то, что воспитанник оказался способным на ложь, измену. «Нет, не твой удел кончина, я – ответчик перед веком: я взрастил тебя как сына, но не сделал человеком». В семейном укладе Абхазии у старейшин рода особые права, особая и ответственность. Пусть в государстве, в обществе когда-нибудь станет так же.

– И то правда!

Любопытны отношения отцов и детей в Абхазии.

К примеру, отгуляли свадьбу, у сына появилась жена, у свёкра – сноха. Нипочём не догадаетесь, как выстраиваются их отношения. В селе Ачандара Орчукба Валерий показал мне дом сына: просторная ухоженная лужайка, на высоком крыльце молодая женщина приветливо улыбнулась нам.

– Здравствуйте! – поздоровался я.

Девушка продолжала молча улыбаться. «Немая!» – скорбно подумал я.

Мальчуган, завидев Валерия, кинулся на руки.

– Это внук! Соскучился, мальчик мой? А снохе говорить при мне не разрешается...

Дорогой он пояснил:

– У абхазов сноха в присутствии свёкра может объясняться только жестами, мимикой – сурдопереводом, чтобы ничего лишнего не ляпнула. Разные поколения, разные интересы, разное отношение к жизни. Если она будет шуршать, скрипеть, как червивый орех, пойдёт холодок...

Позже Нугзар рассказал мне на сей счёт занимательную легенду:

Старый Джгуанат пожаловался соседу:

– Ни разу за пять лет, что живёт сноха в моём доме, не слышал её голоса. Вероятно, голосок у Антицы такой же приятный, как и она сама. Нужно кончать с этим глупым обычаем предков.

– Не считаю наших отцов и дедов глупыми, – ответил сосед. – Но если кому не нравится, может отменить табу. Достаточно принести в жертву быка, пригласить соседей на пир и прилюдно объявить о своём решении.

– Верно! – обрадовался старый Джгуанат.

Старик распорядился зарезать бычка, приготовить званый обед. Он обошёл всех соседей, родственников, друзей и на пиру, держа в руке наполненный рог, произнёс:

– Дорогие односельчане! Все вы знаете мою сноху. Глаза её светятся, как звезды, доброта, услужливость не знает предела. Я люблю её как родную дочь и хочу, чтобы она чувствовала себя при мне свободно: пусть с сегодняшнего дня она начнёт разговаривать при мне.

И старый Джгуанат осушил рог.

– Да будет так! – хором поддержали гости.

Зардевшись от стеснения, Антица склонила голову с длинными черными косами. До поздней ночи пировали гости. Утром старик Джгуанат поднялся с постели, оделся, вышел во двор. Антица доила корову.

– Доброе утро, дад! – приветствовал старик Антицу, предвкушая удовольствие услышать в ответ её нежный, ласковый голос.

– Тебе, конечно, доброе, – огрызнулась сноха, – а я уже час на ногах. Хоть бы помог управиться со скотом!

Старик опешил. Трудно поверить, что это голос прелестной Антицы.

– Доченька, у тебя какая-нибудь неприятность? – нерешительно спросил старик. – Ты не в духе сегодня? Или тебе нездоровится?

– Да, нездоровится! Это ты вечно здоров как бык, а притворяешься хворым.

Удивлённый, расстроенный старик побрёл в дом, лег в постель и стал думать: что произошло с Анти-

цей? Словно кто подменил её, столь резкая перемена за одну ночь...

– Лежит как колода, ничего не делает! – долетел до него ворчливый голос снохи. – Долго ты ещё будешь валяться? – прикрикнула она. – Не надоело?

Слышать это старому Джгуанату было невыносимо. Забыв про свои больные кости, старик вновь стал обходить односельчан, созывая на пир. В жертву забили ещё одного быка, накрыли щедрый стол, и вновь с бокалом вина поднялся хозяин дома:

– Дорогие гости! Мы с вами просили Антицу вымолвить слово. Она исполнила нашу просьбу, вчера я вполне наслаждался её речью, но сегодня я пригласил всех вас, чтобы вернуться к обычаю отцов, дедов и вновь запретить ей разговаривать при мне.

– Вот как! – воскликнул сосед. – Выходит, я был прав, не так уж глупы люди, придумавшие этот обычай? Однако для того, чтобы ты это понял, пришлось забить двух быков, – усмехнулся он.

Дети в Абхазии уважают не только отцов...

Отношение к матери, теще в Абхазии трепетно-святое. И святость эту передаёт топонимика, увековечив дам целиком и частями:

*Над озером безжалостно и хищно
Вонзился в поднебесье Тёщин зуб¹.*

Ещё есть змеистый серпантин под названием Тёщин язык.

Да мало ли?.. В Абхазии, как повсюду на Кавказе, царит культ старших. В летописи наткнулся на такой пример: старец во время выступления на сходе так разгорячился, что его алабаща – посох с металлическим острым наконечником – пробил ногу стоящему подле юноше, тот не издал ни звука, терпел и ждал, пока аксакал закончит речь.

А Нугзар поведал быль.

Гаишник смотрит, водитель управляет грузовиком, стоя на подножке.

Жезлом махнул, остановил его:

– Что за цирк! Почему не в кабине?

– Ты же знаешь наши обычаи: я не могу сидеть в присутствии отца.

– Молодец! Проезжай.

С Валерием Орчукба добирались мы на машине из села Ачандара в Гагру.

И надо же, незадача: к узенькому деревянному мостику подъехали одновременно с одной стороны «Нива», с другой наша «Лада». Мы прижались к обочине, освободив проезд, и... тот остановился

тоже. Там салон пустой, у нас – битком, и самое главное! у нас за рулём седовласый аксакал!!! (По правилам нетленного горского адата, возраст выше любого чина.) Встречный водитель деликатно пропускает нас проехать первыми, Валера, как не менее учтивый абхазец, предлагает ехать первым ему. Друг друга не знают. Стоят спокойно, уважительно, не сигналият, не матерятся, фарами не моргают, битами друг другу не угрожают...

– И подолгу так приходится стоять? – поинтересовался я.

– Александр, мы соблюдаем апсуару. Я со школы помню в букваре картинку: два козлёнка встретились на узкой тропе, не уступили друг другу путь, в итоге оба свалились в пропасть, река унесла их. Мы росли на таких примерах и запомнили: даже если ты чувствуешь, что прав, уступи, будь выше дразг.

Водитель «Нивы» в пятый раз взмахом руки предложил нам проехать, Валерий категорически отказался. Однако выдержка у встречного водителя оказалась будьте-нате, фактически он взял нас измором... Насмерть стоял, демонстрируя свою учтивость. Нам пришлось-таки ехать по мостику первыми. Едва тронувшись с места, мы принялись неистово раскланиваться пред любезным горцем, отвешивали ему поклоны и подъезжая, и поравнявшись с ним, и проехав мимо – пока не скрылись за поворотом.

P. S.

Самый центр Сухума.

Мы с администратором «Абхазской интернет-библиотеки» Дбар Алексеем неспешно фланируем от Института гуманитарных исследований к набережной. Открывается окно жилого дома: седая старуха выплёскивает воду из тазика на тротуар, чуть не облив нас...

Алексей невозмутимо объяснил:

– Замечание делать нельзя, ором поднимет улицу. И мы же останемся виноваты.

¹ Так называют семидесятиметровую скалу над озером Рица. Турсынхан Абдрахманова, поэма «Озеро Рица».

Этикет

Абхазы – отличный народ, даровитый, тонкий, изящный, французы Кавказа, как их величают в Грузии.

Евгений Марков. «Очерки Кавказа»

Игорь Герзмава мне посоветовал:

– Ты вот сейчас пишешь, Александр... Если получится дифирамб, то это никому не нужно. Тебя начнут подозревать во вранье, в других смертных грехах. Пиши честно, как есть!

– Буду писать, как есть! как пить... От души!

Для меня нет сомнений – все абхазы принадлежат к какому-то обедневшему, но знатному дворянскому роду. Одни их реверансы чего стоят! Сами наблюдайте за манерой этих закавказских горцев держаться в обществе, за тем витиеватым «протоколом», по сравнению с которым церемониал большинства королевских дворов лишь «knicksen».

Они лорды даже в мелочах...

Например, когда абхаз хочет добавить к сказанному своё, а рассказчик речь не закончил, он не одёрнет его ясным, родным призывом: «Заткнись!» Вовсе нет, деликатно заметит: «Твои слова только золотом режут». Речь абхазского оратора всегда начинается с традиционного обращения к собравшимся: «Народ, да положу я свою голову вместо вас!» (Ажэлар, шэхадкы!) Никак иначе... Или вот пришлось в беседе нечаянно прибегнуть к выражению: «Знаешь ли, в чём дело?» (Шоу удыруама?) После этого нужно «подсластить» и, подчеркивая авторитет, глубокие познания собеседника, тут же скромно добавить: «Хотя что я могу сказать такого, чего бы ты не знал!» (Уара иузымдыруа сара иуасхэозеи, аха!) Человеку в благодарность говоришь «спасибо» (итабуп), он в ответ: «Пусть врагу придётся благодарить тебя» (Уага дутабуааит). Вкралось в речь какое-нибудь не совсем приличное выражение, сразу последует извинение, буквально так: «Твоя честь на моей голове» (Упату схи икууп). Обратился с незначительной просьбой, и на этот случай имеется соответствующий «оправдательный документ»: «Хотя такое поручение и недостойно тебя» (Иуатэасшьоит аха; Урацэоуп аха). Если позади тебя оказался уважаемый человек, можно и это «искупить»: «Прости, что сижу спиной к тебе» (Сатамзааит, сышьтахь уаерхан стэоуп) – думаю, чаще других такое приходится говорить водителям маршруток...

Теперь понимаю, откуда в царскую Россию просочились изящные лингвистические обороты типа: «Милостивый государь, не соблаговолите ли Вы соблаговолить?..»

Нугзар мне втолковывал:

– У нас и в пацху хозяин никогда не зайдёт первым... Ты, наверное, успел заметить?

– Успел...

– Гости приглашают войти в дом, но кто должен переступить порог первым? И тут начинаются взаимные уговоры, приглашения (уней-сней). «Проходи, да приму я на себя твои беды! (Уней, уххь згеит!) – говорит хозяин посетителю. – «Как это можно! Ты хозяин – тебе и идти первым!»

– Но ярче, ажурнее наш этикет проявляется в застолье, – горячился Нугзар. – У нас приличное застолье – та же проповедь: хвала Богу, дань уважения народу, старшему... Это настоящий церемониал гостеприимства... – Нугзар самодовольно хохотнул. – Застолье у абхазов начинается и кончается омовением рук. Дочь или невестка хозяина берёт в одну руку кувшин с водой, в другой держит мыло, чистое полотенце перекинута через плечо, подходит к гостю. Все встают. Между почётным посетителем и старшим в доме происходит сцена, во время которой они настойчиво приглашают друг друга совершить омовение первым. «Помой руки, да приму на себя твои беды!» – просит хозяин. На что другой отвечает: «Как можно раньше тебя, ты – хозяин!» Подобные взаимные излияния повторяются неоднократно, и наконец хозяин, уступая обычаю, начинает омовение. Все стоят в знак уважения к вставшему. Когда очередь доходит до гостя, он снова отказывается от омовения, пока не сядет на свое место старший.

И, наконец, застолье!..

«Между первой и второй – перерывчик небольшой»; «Между первой и второй – можно выпить ещё шесть!»; «С запозданием выпитая вторая – испорченная первая» – эти поговорки не про абхазов. Здесь фуршет – самостоятельное искусство, а виноманер по влиянию выше жреца.

Все тосты – стоя.

Упрекают абхазов в лени.

Какой?

Попробуйте сами ежедневно строго блюсти все каноны и ритуалы, пассы и поклоны.

Монахи-схимники! Верней будет.

А речи?!

Вам довелось хоть раз слышать речи абхазских аксакалов на сходе?

Нет?!

Да вы жизни не знаете.

Волга в половодье – жалкий высохший ручей по сравнению с ними.

По сей день абхазы не в силах забыть народного трибуна, который, выступая на Лыхненском сходе, произнёс перед людским морем страстную речь, длившуюся восемь часов кряду. Как значится в документах, переводили её по очереди три переводчика, но все они совершенно охрипли и не могли больше говорить, а знаменитый оратор всё гремел над возбуждённой площадью. В Очамчырах Осипа Мандельштама изумил оратор-старик, который «замучил сход: говорил-говорил и кончить не мог».

Помню, в бытность дорогого Леонида Ильича, когда Генеральному секретарю ЦК КПСС на пленумах и съездах приходилось толкать речуги по четыре-пять часов кряду, всерьёз прорабатывался вариант уставки в трибуне писсуара.

И в Абхазии не всё так просто...

Думаю, и здесь кроется какой-то секрет, современные технологии... страшная тайна.

Сознаюсь, иногда мне хотелось, как Шарикову, легендарному персонажу из фильма «Собачье сердце», обратиться к собравшимся за столом: «Вот всё у вас как на парад! Салфетку – туда, галстук – сюда, да «извините», да «пожалуйста, мерси». А так, чтобы по-настоящему, это нет... Мучите сами себя, как при царском режиме». В Абхазии строго соблюдается иерархия и последовательность обязательных тостов: первый тост – традиционное обращение к Всевышнему с просьбой ниспослать «теплоту его очей» («Анцва ил-пха», здесь «Анцва» – «Бог», «илпха» – «его милость», «теплота его очей»); второй тост – обращение ко всем святилищным силам ниспослать народу милость, благословение («Аныхакуа рылпха» – буквально «теплота очей святилищ»); третий тост – за народ («ажвлар»); четвёртый тост – за Абхазию (Апсны), пятый тост – за старших и так далее.

И всё – стоя, часами!..

Я из последних сил потакал хозяевам, пыжился-кажиллся, блюл хитрозаумный протокол. (Чей хлеб ешь, того и обычай тещь – у себя как хошь, а в гостях как велят!) Но это не отдых – повинность! Блаженство сидеть и просто выпивать с Нугзаром вдвоём. Тогда никаких тебе церемониалов, никаких «равняйся-смирно»... Гуляй, душа, нараспашку!

Хозяин дома Шаки Салакая дирижировал в гости-

ной, наблюдая, как супруга подносит одно блюдо за другим, изредка давал ей «ЦУ» и оправдывался:

– Аджика, инжир, мясо, сыр, вино, чача – больше ничего у меня нет.

Свежий инжир вкуснятина – они корочку счищают, я ем так.

– Пустой стол! – согласился Нугзар. – Это ладно! Ты лучше похвастай, как предложил найти зарытый в огороде жбан с чачей, который якобы мать припрятала во время войны. Александр, не поверишь! За день перекопали ему весь огород, так и не нашли. Оказывается, не было ничего.

– У меня весной спину прихватило, – нехотя сознался Шаки, – сам копать не мог, а землю пустой не оставишь.

Сперва, пока трезвые, пока при памяти, мы сидели в гостиной, потом с кувшином вина перебрались во двор, под навес... Уже без хозяина, с Нугзаром вдвоём, и – до самого утра. Закусывали консервированными зелёными помидорами. (Ни разу до этого не пробовал – о-бал-деть!)

Зрелые груши время от времени грохались на крышу, сбивая с мысли, а мы всё беседовали, беседовали не смолкая.

– С нашими традициями нужно считаться всем, чтоб не попасть впросак, – гнул своё Нугзар. – Во времена Союза сын члена Политбюро ЦК КПСС оттяпал себе кусок черноморского побережья, отгородился от народа трёхметровым забором. Сухумчане тут же запрудили улицу, выразили решительный протест, вынудили открыть доступ к морю. Решётки убрали за ночь. Чинovníка подкупить можно, народ – нет. А есть примеры и посвежее... Помню, на прошлых выборах кандидат в президенты пригласил из России нашего любимого певца, поддержать. Ну, как у нас полагается, перед выступлением основательно выпили... Выходит артист на сцену, площадь вся забита, ликует... Народ в предвкушении: «Эх, сейчас порадует песнями, душу поласкает!» И тут наш любимец берёт микрофон, машет людям и орёт:

– Привет, Аджария!

Провожатый его толкает в бок, подсказывает:

– Это не Аджария, это Абхазия. Скажи «Абхазия»...

– Как-а-аая разница?! – ржёт в микрофон.

Все возмущённо загудели, слушать не стали, засвистели, согнали его со сцены. Ладно. Кое-как успокоились... Следом выходит депутат Государственной думы Российской Федерации (он у вас типа шута при королевском дворе): «Если не поддерживаете нашего кандидата, мандарины везите в Грузию, свою границу мы перекроем».

Ты бы видел, что тут началось!

Мне докладывают:

– Ситуация накаляется! Надо прятать депутата.

Инвалиды войны взбунтовались, колясочники ломанулись к Красному мосту:

– Идём гадёныша мочить. Он нас оскорбил!

Высокие ворота охрана успела захлопнуть у них перед носом... Но для ветеранов спецназа это не помеха: смотрю, уже перебираются через ограду. Кто без ног – на руках, у кого одна рука – зубами... Лезут на штурм с матерками, угрозами. Депутата быстренько посадили на катер и под покровом ночи – в Пицунду. Если бы не такое выступление российской группы поддержки, этот президент был бы избран ещё тогда, в 2004 году.

Ляпы случились из-за незнания менталитета Абхазии.

– Нугзар, давай за это!

Честно сказать, не помню, как расходились...

Язык

Тяжело на чужбине.

Слышу дикарский язык.

Перемолвиться не с кем поэту.

Овидий

Абхазский язык.

Я ожидал, что знакомство с языком начнётся с имён.

Имя – своего рода код, определяющий принадлежность к роду. Однако, как и в случае с верой, ничто в Абхазии не является очевидным. Мой блокнот, по мере расширения контактов, стал пополняться телефонами Саш, Марин, Юр... Иванами да Марьями... Вот так Закавказье! Маму Давида Дасания вообще звать Раиса Максимовна (золотой души женщина!). Согласитесь, трудно в России найти человека, который не слышал про Раису Максимовну...

Как выяснилось, не только меня застали врасплох такие имена. Крупный абхазский учёный-этнограф Шалва Денисович Инал-ипа тоже обескуражен: «У абхазов вызывают чувство недоумения, стыда такие самоновейшие женские «имена», как Электричка, Пиуа (от слова «пиво»), Вайна, Адеса, Курица и др., мужские: Батинка, Папа, Вагон, Маладец, Салдат, Машина, Газет, Радио, Телефон, Золотинск, Камуна, Диуан, Лодка, Каманда, Прицел, Камфет, Музыка, Штат и др. Бывают случаи, когда одного из

братьев зовут Ванчка, другого – Иван. ... Зная, как ревниво относились абхазы к своим личным и фамильным именам, трудно даже найти объяснение тому, что многие теперь так легко отказываются от традиционных личных имён. Ведь ещё недавно они очень дорожили своими именами. Понятия «имя» и «слава» по-абхазски выражаются одним словом – «ахидз» (ахъз), а лишение имени (ахъзыхра), как и фамилии (ажэлахыхра), считалось большим оскорблением и наказанием».

– Секрет кроется в истории, – пояснил Игорь Герзмава, – наша судьба неразрывна с Россией. Во время Великой Отечественной войны в доме у деда жили две русских семьи, у многих так. А сколько воевали с русскими плечом к плечу? У-уу!.. Двадцати двум абхазам присвоено звание «Герой Советского Союза», это на такой маленький народ! Мой дед воевал в Дикой дивизии, кавалер трёх Георгиевских крестов. Отец во время Великой Отечественной служил в авиации лётчиком.

Российская журналистка недавно задала мне вопрос:

– Скажите, как абхазы относятся к России?

Я опешил:

– Ну, как вам сказать подходчивей... Фамилия у меня абхазская Герзмава, зовут Игорь, отец Виктор Дмитриевич. Погибшего брата звали Сергей, сестра Наташа, мать Евдокия. А у вас отчество, фамилия татарские. Теперь скажите: кто из нас больше россиянин?

– Вас поняла.

Абхазский язык.

Он послужил яблоком раздора, обожествлён народом, он живой дух абхазов...

«Кто владеет языком, тому община принадлежит», – учит абхазская мудрость.

Из каких глубин появился язык в речевой форме, доподлинно неизвестно, а письменность абхазы получили после присоединения к России. Абхазы – младописьменный народ. Первый абхазский алфавит разработал русский языковед Пётр Услар в 1862 году. Главная его цель от альтруизма была далека: «Мы и горцы как бы находимся на двух противоположных берегах реки, через которую нет переправы, – писал царский военный чиновник барон Услар. – ...Родные языки – самые надёжные проводники для распространения между горцами нового рода понятий. Забрать эти проводники в свои руки, сумеет распорядиться ими ... дело трудное, но заслуживающее того, чтобы подумать о нём». Считается, что алфавит создан на основе кириллицы. Не знаю... У

многих букв рудиментом – таинственные хвостатые окончания. Оттого транскрипция в словарях нуждается в своей транскрипции, а её нет.

– Нугзар, я, кажется, так надрался, что у меня сливаются «т» и «ц»...

– Александр, стыдись!.. Так пишется любимая абхазская буква «тцы»!!!

Абхазский язык...

Судьба его во многом напоминает мне карельский – язык древней Калевалы. У него тоже не было своей письменности, он тоже, как и собрат из Закавказья, подвергался гонениям в годы советской власти: говорить на нём даже в быту... не приветствовалось. Сегодня вроде разработали письменность, дали возможность изучать карельский язык в Карелии даже в двух школах. И говори себе сколько захочется, хоть заговоришься... Сейчас, когда носителей языка практически не осталось, его сунули, как пустышку грудничку. А чуть дитя вырастет, сам от неё откажется.

Моё знакомство с абхазским языком происходило скачкообразно.

Сперва думал, после аварского никакой другой язык меня не удивит. Отзывы мэтров поэзии заставили усомниться... Осип Мандельштам относился к абхазскому языку как к «будущей речи» человечества: «Язык абхазцев мощен и полногласен, но избилует верхне- и нижнегортанными слитными звуками, затрудняющими произношение; можно сказать, он вырывается из гортани, заросшей волосами. ...В отдалённом будущем академии для изучения группы кавказских языков рисуются мне разбросанными по всему земному шару. Фонетическая руда Европы и Америки иссякает. Залежи её имеют пределы. Слава хитрой языческой свежести и шелестящему охотничьему языку – слава!» – воскликнул Осип Мандельштам.

С благоговением я «снял шляпу» пред абхазским языком.

Историк, этнограф Константин Мачавариани выразился ещё круче:

«Язык абхазский гибок и звучен; он одинаково передаёт не только торжественный тон возвышенного пафоса, но и ласкает слух самыми нежными выражениями. Как грозные звуки природы, так и мелодия тихого дуновения ветерка, журчанье ручейка, горе и радость, гнев и ласка, глубина страсти и нежность находят в этом языке своё полное выражение. В нём выражаются, точно в

зеркале, неуловимые движения души, туманные впечатления окружающего нас мира, ускользающие, обыкновенно, от слова, знака и красок... Звуки абхазского языка так резко отличаются от звуков индоевропейской семьи языков, что можно изучить этот язык прекрасно, вполне овладеть духом и свойством его, но всё-таки произношение так и «останется варварским». Для объяснения звуков приходится создавать совершенно новые правила фонетики. Одними известными органами (губы, зубы, гортань и др.) нельзя здесь ограничиться».

Однако при личном знакомстве язык показался мне не то чтобы лёгким – лубочным: «амагазин», «афильм», «асувенир», «аресторан»... «Забавный диалект!» – решил я, вновь «напяливая шляпу».

– Нугзар, почему все абхазские слова начинаются с буквы «А»?

– А кто его знает!

– Получается, лепи букву «А» к каждому русскому слову, и получится древний говор.

– Разбежался!.. И, кстати, не думай, что «алашара» – это «лошара» по-абхазски.

– Не буду.

А затем Нугзар стал открывать волшебные грани родного языка:

– Абхазский говор – отголосок первоосновы земли, реликтовый цветок, сохранивший через века аромат. Ты вслушайся:

*Позабывши сам – откуда,
Он прибрёл тропинкой горной,
Древних рас живой осколок.
Море синее шумело
У подножья гор зелёных.
И приморье полюбилося.
И нагорье приютило.
В заповедной чаще леса
Взял он дрёмный шёпот листьев,
У змеи он взял шипенье,
Взял у птицы сладкий щебет,
У цикады стрекотанье,
У ручья певучий лепет –
Ими речь свою украсил
И в гортанный влил их говор,
Тот, что вынес издалёка.
Он у горного потока
Научился злой отваге...¹*

¹ Виктор Стражев, поэма «Песнь о голубоглазом», Сухум, 1923 год.

В Институте гуманитарных исследований в Сухуме я, однако, уточнил:

– Учёные полагают, что через триста лет на планете останется четыре языка: английский, китайский, испанский и...

– И абхазский! – сурово отрезал седовласый горец.

– Но ведь... Богиня Абхазии – великая Сатаней Гуашья – была матерью ста знаменитых героев-нарттов. Нынче-то рождаемость снизилась. Говорят, чтобы язык сохранялся, требуется более ста тысяч носителей.

– Да нас больше, чем китайцев!

Вы бы нашлись возразить? Я нет.

Да, у абхазского языка судьба счастливой, чем у карельского. Родной язык сплотил абхазский народ, с ним они одержали победу, его теперь торжественно несут над головой как знамя.

*Пройдя сквозь тьму тысячелетий
От нартских далей – в наши дни,
Осилив натиски наречий,
Сберёг ты отчие огни.*

*О мой язык, святой и правый,
Принявший столько смертных мук,
И многосмысленный, и здравый
В тебе живёт наш каждый звук!²*

P. S.

Администратор Абхазской интернет-библиотеки Алексей Дбар у меня на глазах СОЗДАЛ транскрипцию абхазского языка в кириллице. Тем сильно помог... А главное, в одиночку за несколько лет он перевёл все литературные абхазские первоисточники в цифровой формат, сохранив произведения для будущих поколений, сделав доступными для всего мира. (В России не найдёте ни одной подобной региональной библиотеки!) Мне есть с чем сравнивать... Уж я поездил по библиотекам, поверьте...

Недобитые

– Это могила неизвестного солдата Гурама.

– Почему неизвестного?

– Неизвестно, был ли Гурам солдатом.

Абхазский анекдот

Вкакой-то момент подбор собеседников застопорился.

Валентина Харитоновна Дзидзария никого не могла склонить к беседе со мной. Раз за разом, зачастую в самый последний момент, они срывались с крючка.

– Кого же найти? – сокрушалась она. – Звонила двоим однополчанам, здоровье ухудшилось, оба в больнице.

И тут мне на выручку пришёл мировой опыт: помните, в фильме «Летучая мышь» жена инструктировала мужа-прокурора, как следует подцеплять дочери кавалеров?..

– Тина, ты позови, а зачем, не объясняй!

– Попробую...

И вскоре радостно доложила:

– Сейчас приедет один.

– Кто?

– Чкабелиа Иродион Михайлович, пулемётчик, не раз контужен, ранен, с войны у него сидят два осколка в голове. Мы называем друг друга «недобитые»! – Тина горько усмехнулась. – Золотой парень! Заместитель председателя ассоциации инвалидов войны. Для меня каждый, кто прошёл пекло, – настоящий мужчина. Я сразу определяю, кто не был на фронте: глазки у них бегают... крысята. А вот и Рудик... Рудик, умоляю, только не ругайся, сейчас всё тебе объясню.

У запыхавшегося мужчины недоумённо вытянулось лицо. Он переводил вопросительный взгляд с Тины на меня, а уже вскоре давал признательные показания:

– Поговорки-моговорки особо не держу в голове, а про апсуару что рассказывать... Помогла победить! Сосед пошёл воевать, дядя пошёл воевать, и мне надо идти. Стыдно прятаться под кроватью, бежать, как Попандопуло, переодевшись в женское платье. Стыдно трусить, когда рядом братья-добровольцы демонстрируют чудеса храбрости: идёт шквальный обстрел, казак вылез на бруствер, шашку вытащил и давай рубить воздух налево, направо... Забавно! Во время войны народ был – единый кулак. Мы все сплотились вокруг лидера и не рвались к власти, ни в грош не ценили собственную жизнь, сердца наши стучали в унисон... Нация стояла перед

² Руслан Кокович Аджинджал. «Мой язык».

вопросом «быть или не быть», как у Гамлета. Мы забыли про деньги, друг друга братьями называли. Выхожу на трассу, водитель первой проезжей машины останавливается, не ожидая просьбы:

– Брат, куда подвезти? – если не по пути, сперва путника отвезёт.

Памяти хватило лишь на два года, а после... На энтузиазме, на голой идее всю жизнь не проедешь. Святым духом вечно сыт не будешь, мы существа земные, из плоти-крови. У каждого своя семья, своя цель, наша общая дорога распалась на множество тропинок, кулак разжался, пальцы разделились. Если бы все одинаково, тогда да. Но когда ты питаешься идеей, я идеей, а рядом чёрт жирует... Жизнь-то одна. Искушение сильное, соблазн неодолимый. После войны приехали люди с чеמודанами денег, увидели, что мы на подсосе, сориентировались, подцепили на крючок значимых авторитетных незапятнанных людей, стали через них обдирать свои делишки. Продались не все, конечно, но такие есть... Кто не продан, потому что не покупали – не герой.

– Как в анекдоте: «Почему Неуловимого Джо никак не поймают?» – «Да потому, что он никому не нужен!»

– Вот-вот. Деньги – тяжкое испытание. Поставь сейчас передо мной дипломат с долларами, не знаю, как себя поведу, я сам в себе не уверен... Во время войны все решения принимались справедливые, а вот как сохранить справедливость в мирное время? Как избежать кривоколенных решений? Почему после войны даже командиры батальонов сменили окраску? Сегодня всё покупается, дело в цене. Он не побоялся на врага пойти, на танк с голыми руками, а шуршание банкнот околдовало. В итоге преданные собаки: за кусок хлеба обрели хозяина в лице дезертира. Апсуара на фронте помогала вести себя достойно, помогла нам победить, а вот после войны, в мирное время оказала медвежью услугу. Эх! Во время войны клялись: подлецов, предателей, которые бросили родину, не только на порог не пустим, похоронить в абхазской земле не разрешим. (Почему за них должны воевать?) Тогда все были единомышленны. Но вот война закончилась победой... эйфория! У кого смалодушничал брат, у кого сват, и начинаются уговоры:

– Давайте простим. Я-то ведь кровь проливал.

– Нет.

– Ну, он же не воевал против нас.

– Едрёна мать, ещё чего не хватало... Я ещё и спасибо ему за это должен говорить.

– Его жене здесь не дали бы жить...

– А что, во время войны мало грузин воевали с нами плечом к плечу?

– Хватало.

– Разве кто-нибудь когда-нибудь упрекал человека за то, что он не абхазец?

Тихо-тихо-тихо... мы даже не заметили, как они появились здесь, потом командовать стали.

И началась у нас катавасия...

Только сейчас, с помощью Боженьки, мы избавились от гнилья, содрали со ствола свисающее лыко...

К власти пришли горцы, у кого за плечами фронт. Народ терпит, терпит, терпит... потом принимает решение.

– «Народ суров, когда, восстав, не просит, а берёт», – писал мудрый Шандор Петефи.

– ...В двадцать четыре года у меня закончилась молодость, полноценная жизнь закончилась, с тех пор не вылезая из больниц, из операционных. Я женился в сорок четыре, два года назад, до этого не решался, было неясно со здоровьем. Плодить детей-сирот зачем? И теперь получаю пенсию и думаю: как на семь тысяч протянуть? Может ли нефронтовик понять нужды ветеранов войны? Нет! Его это не волнует. Звучали призывы: «Забудьте войну!» А кругом люди болели, страдали. Сегодня в правительстве даже контузию не хотят считать за болезнь, хотя это болезнь, да ещё какая. У нас много суицидов, причин знать не хотим. Почему люди, кто принесли на плечах победу, оказались не нужны никому? Фонд помощи инвалидам создал три года назад, до этого, семнадцать лет – пустота. Попрошайничали. Малая червоточина источила сердцевину дуба, обескровила его, лишила сил. Железная древесина превратилась в гнилую труху.

– Своего рода вирус «троян» в операционной системе компьютера. Тоже тихо, незаметно – и жёсткий диск можно выбрасывать.

– Да, так. Началось, наверно, с того, что после войны Ардзинба объявил: «Мы маленький народ, давайте простим друг другу обиды, прегрешения, распри, кто воевал, кто не воевал... пусть абхазы возвращаются на родину, будем вместе её возрождать». Вот, пожалуй, с этого началось... Наверно, пригласить можно было, но сразу твёрдо, недвусмысленно обозначить их место в обществе – второсортное место. Пусть бы они сперва своей жизнью, делами доказали преданность Родине, потом претендовали на хлебные места. Многих дезертиров даже записали в участники войны. Они за взятки купили себе биографию, положение в обществе.

Припёр к стенке своего комбата:

– Как человек, который не воевал, попал в число участников войны?

– Ну, понимаешь, он мой родственник, ты же знаешь. Я не смог отказать. Мы ведь абхазы. Апсуара!

Я разбирался: «участник войны» – человек, который с оружием в руках лично принимал участие в боевых действиях. В группе «Ураган» вместо пятидесяти участников войны оказалось более трёхсот! Как эти двести пятьдесят «мёртвых душ» попали в список военкомата, ума не приложу! Двести пятьдесят человек, знакомых с войной по телевизору, сегодня ходят по Абхазии, дают интервью, бряцают боевыми наградами, учат подрастающую молодёжь!.. Это по одной только нашей группе! Если бы у нас в строю реально было триста бойцов, мы б маршем прошли до Тбилиси.

– Так? – подивился я.

– Выходит... И ещё: никак не можем прийти к единой точке зрения, каким должен быть в идеале наш президент. Одним нравится руководитель властный, решительный, другим, наоборот, – мягкий, понимающий. Слава богу, все сомненья – в прошлом! – Рудик не скрывал радости. – Впервые после Ардзинба избрали достойного мужика: воевал на Восточном фронте и ровно прошёл всю войну, занимал высокие должности в правительстве, в коррупции не замечен, то есть медные трубы преодолел тоже. Мы, ветераны, должны объединиться и встать с ним рядом.

А то, что я до этого вам... вгорячах... – не мнение всей Абхазии, лично моё. Я человек контуженый, в голову раненный.

– Не беспокойтесь, так и укажу.

У Иродиона зазвонил мобильник. На входящих – музыка Трофима «Алёшка»:

*Говорят, на земле был Бог,
Говорят, он учил добру,
А у нас целый взвод полёт,
Где служил старшиной мой друг.*

Он отклонил звонок...

– Познакомьте с кем-нибудь из однополчан!

– Александр, сегодня мы встречаемся в ущелье: группы «Ураган» и «Сатурн», отмечаем День Победы. Хочешь, поехали.

– Это не то... Нужна тихая беседа с глазу на глаз.

– Давай так, если бы Тина сказала честно, я бы не приехал. Но она ведь что брякнула: «Рудик, у меня проблемы. Выручай!»

– Она молодец!

Иродион рассмеялся:

– Не знаю, кто согласится...

– Им не нужно всего сообщать заранее, пусть диктофон станет приятным сюрпризом. Тина сперва тоже заявила: «Ой, не могу о войне говорить, ой, больно!» А я вспомнил свою мамочку, которая прошла советскую ссылку, шахту, носила клеймо «дочь врага народа» и затем, как Тина, стала учителем русского языка и литературы. Она понятия не имела, что такое «хочу», но твёрдо знала «надо». Кто расскажет о войне, если не ветераны?

– Тоже верно, – нехотя согласился Рудик.

Но сам никого из друзей не выдал и на «минное поле» не завёл.

* * *

На протяжении всей поездки я созванивался с Валентиной Харитоновной, с этой героической женщиной, сообщал о новых встречах, просил совета в затруднительных ситуациях:

– Тина, подскажи, с кем из знаковых людей ещё не встретился?

– Ты не встретился лишь с одной категорией, с «крысами». Но я заранее знаю, что они скажут: «Не мы такие – жизнь такая!»

P. S.

Когда Иродион сетовал на трудности в создании молодого государства, я сидел и помалкивал... Мы, как держава, слишком молоды раздавать советы другим. Ведь Российская Федерация старше Республики Абхазия всего на год: официальная дата образования России 25 декабря 1993 г., день, когда была принята новая Конституция, в которой страна провозглашалась президентской республикой; в Абхазии это произошло 26 ноября 1994 г. (Согласитесь, считать «РФ», «бесправную часть СССР» и «Российскую империю» одним и тем же государством – нелепо!) В голове у многих россиян до сих пор каша. На бытовом уровне доходит до курьёзов... Мой близкий друг, как выпьем, сразу пускается в мечты: «Надо, чтоб как у батьки в Белоруссии или как в Финляндии... Там порядок!» Серёга (мы втроём работали в комсомоле) обычно пьяненько кивал, помалкивал, но один раз... чёрт его дёрнул! Возразил, мол, это два взаимоисключающих общественных строя.

– А скажи тогда, почему в Финляндии дороги такие хорошие?

– Да потому, что нас с тобой нет там.

Друзья потом полгода не разговаривали.

Создатели матрицы времени

*Если с уважением относишься к тому,
что имеешь, приобретёшь и то,
чего нет у тебя.*

Абхазская пословица

Владимир Анатольевич Попов – личность в Абхазии известная. Он не только последний из могикиан советской школы фотожурналистики, но и директор фотоагентства «Абхазпресс-АРТФ», устроитель многих фотовыставок в Абхазии, за её пределами...

Под вечер Володя с приятелем заехали за мной в гостиницу:

– Предлагаю вместе поснимать волну. Такое интересное состояние моря... ветра нет, ни один листочек не колыхнётся, а волна накатом метров в десять!..

И уже через двадцать минут мы идём, шурша вязкой береговой галькой, любуемся огромным розовым солнцем, скользящим к горизонту. Волны с грохотом накатываются на землю, дробятся в белую пену и в низком реверансе ажурным подолом белоснежного бального платья закрывают берег.

– Захлебнуться... от восторга! – признался я.

Володя согласно улыбнулся:

– Погоди, что ещё запоёшь у костра... Абхазские старейшины с горечью сетуют: векового друга – очаг – «арестовали». Согласен с ними: открытый огонь – мистика, древнейшая философия...

В вечернем воздухе цикадами стрекотали затворы наших фотокамер.

Володин приятель заметил:

– Попов всю жизнь продаёт Абхазию в розницу и оптом, но ему прощают. Даже благодарны, поскольку он продаёт возобновляемые ресурсы.

Володя остановился:

– Кстати, познакомьтесь: мой друг Рауф, руководил во время войны Латским направлением.

– А как фамилия? – я достал блокнот.

– Записывайте: Дмитрий Жорж Игорь Коля Иван Рая Борис Андрей.

– И всё это вы?

– Да. Что получилось?

– Джикирба?

– Попали с первого раза.

Сумерки неумолимо гасили нарядные закатные краски.

Вскоре стемнело так, что «не видишь под носом жерди, грозящей проткнуть глаз». Фотообъектив своё дело сделал, ночь – вотчина слова. Спустя пол-

часа мы уже сидели в пацце у костра и неспешно беседовали. Каштановые поленья, потрескивая, жарко пылали, над очагом на закопчённой цепи висел котёл с мясным варевом, расточая аппетитный аромат. Володя помешивал шумовкой, проверял на вкус готовность, добавлял последние специи:

– Без жидкого не могу...

– Володя, сразу скажи гостю, что конкретно имеешь в виду? – улыбнулся Рауф.

– Борщ, конечно, не водку. Бывает, такое приготовишь... А ещё люблю в подсолнечное масло – приправы: чеснок, укропчик, перец... Аперитивчик с хлебушком... Нравится, но обычно о себе забываешь, где время? Люблю по ночам суп варить...

– Если по ночам делал суп, когда делал детей? Четыре попытки – пятеро наследников.

– Успеваю. Причём суп люблю варить, когда выключен свет – я лесной человек. Приготовлю, вкусненько так... Поем одну миску, вторую – с удовольствием, третью... я... неудобно мне, стыдно... А хочется. Знаешь, из чего сварено, как... Боже ты мой, как благодарен таким часам.

– Володь, расскажи, как принёс в газету фото героя труда с надписью: «В эту минуту он добывает рекордную тонну угля!»

– Было такое! – рассмеялся Попов. – Изначально я работал фотокорреспондентом в газетах: в областной, партийной, национальной. Языка абхазского не знал, все смеются, и я смеюсь. Главный редактор с подозрением:

– Ты-то чего хохочешь?

– За компанию.

Вот однажды так, за компанию, я опубликовал материал о герое труда – фоторепортаж с рабочего места. Обычно вырубал личный архив: если человек отснят, зачем выезжать в командировку, фотографировать повторно?.. И вот к материалу о шахтёрах понадобились иллюстрации, портрет передовика. Звоню на предприятие, уточняю:

– Гоги работает?

– Да.

– Передовик?

– Ещё какой!

Но я спрашивал об отце, а мне сообщили про сына: фамилия одинаковая, имя одинаковое, шахта, всё... На абхазском языке нету слова «проходчик», поэтому в статье появился такой текст: «Знатный шахтёр Гоги решил не подниматься на поверхность земли, пока не добудет угля на пятнадцать процентов больше, чем в прошлом году!» Портрет вышел удачный: чумазый, только что из забоя, он широко улыбался, с уверенностью глядя в завтрашний день.

* * *

Снимок разместили на первой странице абхазской газеты с броским заголовком: «В эту минуту под землёй Гоги добывает рекордную тонну угля! Молодёжь, равняйтесь на Гоги!» А Гоги, оказывается, уже три года под землёй, но совсем по другой причине: умер! Что тут началось... Шахтёр по национальности грузин! В обед главному редактору позвонили из приёмной Первого секретаря, от Шеварднадзе:

– Вам надлежит завтра явиться в Тбилиси в ЦК КП Грузии.

Главному редактору объявили выговор, меня турнули с работы, лишив права публиковаться по всему краю. Было не смешно – времена Андропова...

А сейчас, Александр, предлагаю тост за тебя, за нашего гостя. Это не подхалимаж – форма мужской поддержки. Тост – не анекдот, не сказка, не прибаутка – сакральная мужская молитва, часть абхазского ритуала: «Мы с тобой одной крови – ты и я». Ты в нашем лесу, ты – наш брат. За тебя!

Вторым поднял бокал Рауф:

– У нас в Абхазии традиция: когда человек умирает, близкие люди, друзья собираются за столом, произносят о нём хорошие слова. Это важный, ответственный момент, поскольку усопший всё слышит. Думаю, ещё правильнее согласовать с покойным тезисы выступлений при жизни. Каждое застолье – репетиция похорон, у нас как раз такое мероприятие... А выпить предлагаю вот за что... Фазиль Искандер бичевал изнутри себя и всех нас. Почему об этом вспомнил? В книге не надо лоска, Александр, не нужно слащавости, ласкательных суффиксов, особенно сегодня, в годы становления нашей государственности. Нельзя допустить, чтобы гордость переросла в спесь! Нам нужен цензор: объективно посмотреть со стороны, дать дружеский совет...

Я, прищурившись, глядел на спокойный огонь, слушал речи, и мне было покойно на душе. Сладкая и неопределённая истома нежной кошкой возлегла мне на плечи.

– Володь, спасибо за бархатный вечер, за ваших слов брильянтовых вкрапления... Диву даюсь, насколько искривлён образ горца в умах россиян – никто не хватается за кинжал.

– Кавказец без кинжала, как русский, бегающий по улице без топора...

– Согласен: абсурд, нелепица полная...

Володя вновь наполнил бокалы:

– Если хочешь остаться, нужно постоянно уходить. Мы собрались у костра не навечно – на миг. Каждого из нас ждёт своё дело, сохранить которое можем, лишь шагая в ногу с жизнью.

А спустя несколько дней я встретился с Николаем Обаничевым: в Гудаутах единственная фотостудия у него. Для меня каждый фотограф – родная душа.

И снова коснулись войны...

– Я учился в десятом и всё помню отчётливо.

Война – постоянное чувство голода. Город бомбили один раз, школа продолжала работать. Перед уроками вставал в шесть утра, шёл с карточками в очередь за хлебом, как в старых фильмах... С окончанием войны сытней стало не сразу, добывал пропитание в море, что поймал, то и кушали. Решил заняться фотографией, ещё застал химикаты, красный свет, окна занавешены одеялами, семья не ходит, не дышит – идёт процесс. Потом перешёл на цифру.

Обстоятельно поговорить нам не дали... Люди шли со своими малыми бедами один за другим. Пожилой горец в чистом мятом костюме хлопнул входной дверью, степенно прошёл к стулу, гордо уселся под выключенным софитом:

– Сфотографироваться, ора, на паспорт.

– На российский?

– На заграничный.

Николай навёл объектив «Сапон» на посетителя, укрощённой молнией пыхнул софит.

– Завтра будет готово.

Старик напялил кепку и с достоинством покинул помещение.

Следующий клиент попросил распечатать фото утонувшей старухи. Николай вывел на монитор десяток мини-изображений. Труп синий, разбухший...

– Так, вот эту, где она во весь рост, вот эту, где крупно голова, – посетитель с улыбкой Мефистофеля разглядывал экран, – и где отдельно вещи.

Николай отправил снимки на печать, принтер брезгливо отрыгнул глянцевые листки.

– Сколько с меня?

– Тридцать.

Довольный, расплатился, ушёл.

– Он некрофил?

– Нет, следовательно прокуратуры.

А потом по мобильнику вызвали меня, в общем, не дали поговорить...

Тыл первого президента

*Посмотрите – вот он
без страховки идёт.
Чуть правее наклон –
упадёт, пропадёт!
Чуть левее наклон –
всё равно не спасти...
Но, должно быть, ему
очень нужно пройти
четыре четверти пути.*

«Натянутый канат».

Владимир Высоцкий

В моём понимании жена – теневое правительство.

Мужики не любят сознаваться в этом, но где-то глубоко в душе чувствуют: жена – моральная поддержка, тайный советник, тыл... Я в гостях у вдовы первого президента Абхазии – Светланы Иродионовны Джергения.

– Начало войны застало меня в Гаграх, вспоминаю, как фильм ужасов... За день до этого дочка уехала на учёбу в МГУ, Слава – в Сухум. Связи нет, мобильников не было тогда. Я думала, война бывает только Великая Отечественная, ну, ещё где-то далеко, во Вьетнаме, в Ираке... и вдруг такое у нас... Да, столкновения на национальной почве происходили часто, история у конфликта давняя, но никто не подозревал, что посреди бела дня прилетят самолёты, вертолёт, будут бомбить пляжи с отдыхающими, мирные кварталы города... Трудно поверить, что в XX веке эдакое возможно. Случилось. А у нас ни оружия, ни военных подразделений. В этом мало понимаю, но саму атмосферу помню. Я по натуре оптимист и верила: справедливость должна восторжествовать. Когда стали привозить с передовой убиенных ребят, ропот начался. Мы малочисленный народ, у нас каждый гражданин – Тысяча. Он не знал, что делать, был на грани... застрелиться... но воспитание, духовная закалка, рассказы отца – инвалида Великой Отечественной – помогли выстоять. Во время войны я с дочерью находилась в Москве, оставлять дочь одну опасно. Время от времени Слава звонил, спрашивал, как, что у нас. Когда приезжал на переговоры в Первопрестольную, несколько раз встречались, обменивались парой-тройкой слов, но это, знаете... Трагедия! Время очень страшное, тяжёлое. Весь этот шквал чёрной информации, безбожного вранья с экрана теле-

визора... Это безумство, бесовство вельзевула! Сколько слёз пролито... В конце 92-го разнёсся слух, что на него совершено покушение... убили!

Вы не представ-ля-ете-ее-е...

В тысячах километров от страны, от него...

Такой в Сухуме устроили фейерверк, такой праздник: наконец-то убили! Оказывается, его бы не было – ничего не случилось! Мир, дружба процветали бы... Мне оборвали телефон, откуда только ни звонили люди, звонили и плакали: правда – нет? А я сама не знаю правды. Это такой над-рыв, такой психологический удар, невозможно передать... Ты вроде просто жена, но ощущение пря-ности причастности к событиям, личной ответственности не отпускало. Я всех успокаивала: «Это неправда! Телефонистки рыдали в телефон... Хоть бы кто успокоил меня. Нас убеждали люди: «Ну что вы!.. Грузины не могут быть такими жестокими! Цивилизованнейшая нация!!! У них вековая традиция государственности, древняя культура».

– Да, у них фильмы-то какие: «Кувшин» Ираклия Квирикадзе, «Отец солдата» Резо Чхеидзе, – вспомнил я.

– ...«Интеллигенты высшей пробы не могли сжечь архив!» Мираж устойчив. Как видим – смогли. Им правда не по нутру. В первую очередь уничтожили исторические документы с неугодной информацией. Вандалы! Историю сочинили свою.

– Каждый диктатор переписывал историю под себя.

– Да, но эти превзошли всех и вся. Всё, что попадало под руку ценного, объявлялось грузинским. Хорошо помню, когда меня, школьницу, не брали в музыкальную школу, потому что абхазка. Наш крупный учёный Шалва Денисович Инал-ипа издал труд «Абхазы», Слава с коллегой из Института востоковедения написали положительную рецензию. Вы не представляете, какой шквал критики обрушился на нас, обвинили во всех «из-мах». И началась война умов...

Муж – чистой воды кабинетный учёный: работа, работа, работа в тиши библиотек, фолиантов. Я была молодая, доставало это... Сходить в гости – целая проблема. Сразу протест:

– А!.. Какие гости?! Надо туфли надевать, натру пятки, там будешь сидеть без толку. Лучше дома, лучше пусть они к нам.

– Пойдём тогда...

– А!..

– Давай сходим...

– А!.. Тебе бы только гулять.

У него свой кабинет, но всё принесёт на кухню,

разложит на угловом диване. Убирать ничего нельзя: «Перепутаете!» Собрались покушать, документы накрываем газеткой, быстренько перекусили, газетку собрали, опять работает, потом снова переселяется в кабинет. Где комфортнее работается, там и сидит. До того, как вышла замуж, я нагляделась на брата: он тоже учёный, так же корпел, разбирая мемурии. Когда приезжали к ним в гости, будто слышит и не слышит, весь в делах. Тогда думала: «Господи, спаси от такого!» А у самой ещё хуже. Иногда на кухне что-нибудь шварю и сама журчу, журчу, по ходу что-то спрошу. В ответ: «Что?..» Вот это рассеянное «что» меня буквально выбивало из колеи, выходит, всё, что рассказывала, пропустил мимо ушей. Я начинала раздражаться, закипала... Особенно по молодости. Зато присутствовать при его беседах с другими людьми мне было крайне интересно. Разговоры не о колбасе – о высоких материях. Вот где ненавязчиво проявлялся интеллект. Тогда я им гордилась. Выростала в собственных глазах: «Это мой муж!» Понимала: он – Божий избранник. Находиться с таким человеком рядом непросто, о себе надо забыть полностью: никаких претензий!.. Помочь ему мало чем могла, старалась не мешать, думаю, это у меня получилось. Политика выбросила его в депутаты, а потом человек, который даже в армии не служил, стал Верховным Главнокомандующим. Вы представляете, сколько нужно было работать над собой, – фактически перевернуть себя.

Когда беда нагрянула, он не принял решение единолично, а собрал людей и спросил: «Что делать? Сдадимся без боя и станем рабами или будем защищаться?» Народ решил: «Сражаться!»

Вот тогда у него выросли крылья:

– И я буду с вами до самой смерти!

Он выдержал шторм и довёл наш корабль до тихой воды.

Он сделал что мог.

Он сделал больше, чем мог.

* * *

Понятно, почему Владислав Григорьевич Ардзинба добился оглушительных побед: с таким-то тылом чего не победить. Одно меня озадачивает: почему матушка-земля крайне не избирательна... Отчего на одной почве растут и розы, и сорняки, одна нация подарила миру и Баха с Гёте и Гитлера, другая – Ардзинба и Берию.

На идеологическом фронте

*Одно и то же слово
два раза скажешь – вонять будет.*

Абхазская пословица

Нугзар немало рассказывал мне о своей работе в газете:

– Журналистов пора причислить к лику «инженеров человеческих душ!».

– Да, журналисты сраму не имут... Подписываюсь! – я полез за стаканами.

– Тяжело работать в редакции газеты в Абхазии, сам видишь. Народ хлебосольный, из гостей так просто не уйдёшь. Нужно поднять бокал, и не один...

– Умеешь ты заинтриговать, прям как Чехов: «Рассказ мой начинается, как начинаются вообще все лучшие русские сказания; был я, признаться, выпивши...»

– ...Пока добираемся до редакции, пока приходим в себя, опохмеляемся, материал устаревает – опять надо ехать. Выручает, что мы, журналисты, в душе немного циркачи, волшебники. Ценим всякие розыгрыши, любим бесшабашность, яркие представления. Когда в душе праздник, в руке бокал с вином, тогда и перо наше скользит по бумаге непринуждённо, изящно. Как-то утром мы сидели с Русиком в редакции и размышляли, как бы нам в это чудное состояние попасть.

– Слушай, – осенило меня, – ведь у твоего отца наверняка есть вино, неужели не угостит.

– Нугзар, сегодня нет никакого праздника. Если отец и выставит на стол кувшин, два-три стакана нас не спасут.

– А как у него со зрением?

– Толком не видит ничего, по голосу нас различает.

– Тогда пойдём, скажешь, парикмахера вызвал. А уж за работу...

Так и условились. Заявляемся, Русик с порога:

– Отец, ты у нас совсем неухоженный, волосы пора стричь. Я парикмахера привёл.

– Спасибо, сынок.

Я достал ножницы, поцвиркал ими в воздухе, усадил старика посреди комнаты, обернул шею пелёнкой, взял расчёску, с одного бока зашёл, примерился, с другого прицелился... А как стричь, не знаю. Волосы недлинные, причёска аккуратная, хоть бы не испортить...

Сам уверенно командую:

– Не крутите головой.

– Хорошо, хорошо.

Делать нечего, пряди перебираю, ножницами то над одним ухом вхолостую пострекочу, то над другим. «Видит плохо, а слух у него ого-го!» – предупреждал сын.

– Всё! По-моему, нормально, – деловито подвёл я итог.

– Какой нормально? – возразил сын. – Отлично! Отец, надо отблагодарить.

– Да, да. Принеси кувшин вина.

– Один?

– Один, один...

Мы невесело переглянулись: неужели погорели? Но рук не опускаю... И сразу в голове проект: вместо традиционных тостов, в нарушение всех мыслимых предписаний, я, стоя, – тост:

– За ваше здоровье, отец! Сто лет вам жизни...

– Мне уже сто три.

– ...Желаю двести лет вам счастливой жизни без капитального ремонта. Шарда амта! Вы святой человек для всего абхазского народа. До сих пор помнят старцы, как вы призвали махаджиров не покидать Абхазию, сохранить верность нашей родине. Удары вашего священного посоха слышала от края до края вся благословенная земля Апсны...

«Что несут? Бред-то какой... – стучало в голове. – Откуда эта чушь?! Сейчас выгонят взащей. Во времена махаджирства даже дед его ещё не родился...» Но остановиться я не мог. Кто-то подкидывал на язык одну фразу безумней другой, голос мой от волнения дрожал:

– Ваши слова священные для каждого абхаза, они и сегодня хранятся в наших сердцах. Вы для всего народа как знамя...

Старик после этих слов как-то неестественно дёрнулся, подался вперёд и хрипло выдавил:

– Поднимите меня.

Русик подскочил к отцу, помог встать.

Меня трясло от возбуждения, лицо пылало жаром дикого стыда, я с ужасом представлял, что будет дальше... В комнате повисла томительная, тревожная тишина. Голосом, не терпящим ослушания, старик отчётливо произнёс:

– Сын, налей мне!

Русик плеснул вина.

– Полный!

Кровавая изабелла расплёскивалась в дрожащей руке почтенного старца.

– За Абхазию! – сильным голосом прокричал он и осушил бокал до дна.

Старик ещё долго в состоянии аффекта стучал

посохом по полу и, запальчиво брызгая слюной, исходил истощным ором.

– Отец, человека задерживаем, некрасиво.

– Молчи... – грубо оборвал его старик и, повернувшись в мою сторону, нараспев проворковал: – Ты мой самый дорогой гость, сегодня ночуешь у меня. Сын, что стоишь, беги в подвал, неси на стол бочонок лучшего вина.

На следующий день на работу в редакцию появляться не имело смысла.

Как я искал в Абхазии юмор

*Весела наша компания,
а кто не хвалит, тот каналья.*

Русская пословица

Юмор есть правда.

С абхазским юмором у меня сразу не задалось.

Перерыл местных классиков, забрался на специализированные сайты, вслушивался в анекдоты и... стал всерьёз волноваться. Где искромётные шутки? Как я умудрился проскочить между каплями дождя – не встретить остроумия. По закону компенсации: если одна нога короче, вторая обязательно длинней. Может, взамен чувства юмора у абхазов что-то другое развито? Я решил проконсультироваться по данной проблеме с дипломированными, «остепенёнными» специалистами. Директора Института гуманитарных исследований я прямо так и попросил:

– Помогите найти абхазский юмор! Читал подборку местных анекдотов, подскажите, в каком месте нужно смеяться.

– Юмор? Сейчас найдём.

Он собрал импровизированный консилиум, предоставил мне слово:

– В текстах, заявленных как комичные, ищу соль, ищу повод для улыбки, смеха... и не нахожу. Помогите, пожалуйста, найти мне абхазский юмор!

Самый авторитетный мужчина сделал шаг вперёд:

– У абхазов сильно развита смеховая культура. Можно определенно сказать, смех традиционно служил одним из регуляторов поведения человека в обществе. Абхазы умеют смеяться, иронически, сатирически относиться к себе и другим даже в самых экстремальных условиях. Об этом красноречиво говорят многочисленные анекдоты...

– Тогда, с вашего позволения, я зачитаю несколько?..

– Читайте!

Я зашёл в Интернете на страничку «Абхазские анекдоты» и, преодолевая смущение, прочитал:

«Басиат пришёл к сельскому знахарю Луману.

– Блохи на нас напали, покоя не дают, что с ними делать, подскажи!

– Это очень просто, нужно их выловить, выколоть им глаза и выбросить в реку, они все там и утонут, – ответил мудрый Луман».

Повисла пауза. Абхазские учёные-лингвисты сурово молчали.

– Ещё:

«Прилетели американские астронавты на Луну. Видят: идут им навстречу двое мужчин в черкесах, с кинжалами. Американцы удивились, стали расспрашивать:

– Кто вы и откуда?

– А мы абхазы, вот тут на поминках были, сейчас обратно идём».

Напряжение на симпозиуме нарастало.

– Или вот, – не унимался я:

«– Я, Президент Республики Абхазия, торжественно клянусь мамой... Если же я нарушу клятву и кто-то заметит...»

Вглядываясь в хмурые лица абхазцев, я уже жалел, что затеял эту этнографическую экспедицию. Авторы романов в подобных случаях прямо сигнализируют читателям: «В воздухе пахло грозой». Директор личным примером старался поднять в атаку подчинённых:

– Посерьёзнее, коллеги! Объясните, в каком месте смеяться?

Наконец седовласый аксакал бросил мне в пик:

– Вы сперва сами приведите примеры истинного юмора.

– Я?

– Да, вы...

– Ну, не знаю, попробую...

Аудитория недобро молчала. Я решил зайти с козырей:

– Может, Жванецкого?

– Да какой это юморист? Он враг, наймит Запада.

– А я считаю гением. Послушайте! – и на память процитировал:

«У нас чего только может не быть. У нас всего может не быть. У нас чего только ни захочешь, того может и не быть».

«Мадам, мы с вами прекрасно дополняем друг друга. Я умный, весёлый, добрый, сообразительный, незлопамятный, терпеливый, интеллигентный, верный, надёжный, талантливый...»

«По тому, как он плевал, сморкался и икал за столом, было видно, что он старается держаться прилично».

В ответ – гнетущая тишина...

Теряя надежду, я почти прокричал:

«На вопрос: «как живёшь?» – завыл матерно, напился, набил рожу вопрошавшему, долго бился головой об стенку... В общем, ушёл от ответа».

– Не смешно! – по слогам произнёс аксакал.

Учёные стали расходиться по кабинетам, я остался посреди комнаты один, растерянный, огорчённый... непонятый. Вдруг дверь приоткрылась, молодой человек просунул голову и отчётливо прошипел:

– Магазин «Вина Абхазии», там Гамисония Виктор Хаитович знает много анекдотов.

– Спасибо! – прошептал я.

Указанную торговую точку нашёл довольно легко. Захожу...

У входа брился мужик: щёки, подбородок в мыльной пене, он стоял и, напряжённо вытягивая шею, разглядывал себя в крупный осколок зеркала.

«Уже смешно!» – обрадовался я.

– Где мне увидеть Гамисония?

– Это я, – мужчина невозмутимо продолжал орудовать опасной бритвой.

– К вам.

Небольшое торговое помещение магазина напоминало нечто среднее между рюмочной и кабинетом школьной пионервожатой: пустые бутылки, ценники, два общепитовских столика, портреты Ленина, русских писателей, горн, барабан, вымпелы...

Виктор Хаитович, заметив мой интерес, пояснил:

– Школа освобождалась от наглядной агитации, всё выбрасывала, так я – сюда. До сих пор испытываю ностальгию по Советскому Союзу. Я был молодым, московский вуз заканчивал, хлеб был дешёвый, 20 копеек! жили счастливо. Родился в 1937-м, самые лучшие годы...

– Не все считают 37-й самым счастливым го-

дом в Союзе. У вас магазин частный или государственный?

– Частный.

– В СССР вам бы за него впаяли приличный срок.

– Это так, – миролюбиво согласился Виктор Хаитович. – Тогда мы входили в состав Грузии...

– Это плохо?

– Очень.

Я силится понять абхазов: все хвалят Советский Союз, но при этом политические репрессии им, видишь ли, не нравятся, отсутствие статуса государства раздражало, запрет частного предпринимательства – невыносим. Начинаешь выяснять, оказывается, главное завоевание СССР состояло в том, что сами тогда они были моложе, и за это от всей души генсекам спасибо.

– Виктор Хаитович, я записываю абхазские байки, тосты, анекдоты... К вам, как ходоки к Ленину, попал не просто так, направили из Института гуманитарных исследований.

– Вам за анекдотами надо к начальнику транспортной милиции. Однажды я оказался с ним на мероприятии, заслушался... Вот уж где Ходжа Шарадын. К нему вам!..

Хозяин магазинчика устроил мне дегустацию абхазских вин, но анекдота местного разлива не смог припомнить ни одного. Я поблагодарил за «наводку» и отправился по указанному адресу. Его совет меня нисколько не смутил: я уже в Дагестане усвоил – на Кавказе самые талантливые весельчаки-юмористы сконцентрированы в милиции, словно туда идут на повышение из «Театра эстрады».

* * *

Контора транспортной милиции Гэ Сухум – напротив железнодорожного вокзала, мрачного здания без стёкол, в пробоинах от снарядов. «Пока не слишком весело», – мелькнуло у меня в голове. Дежурный на входе за стеклом, тёмный длинный коридор, приёмная начальника, кабинет... Крупный мужчина в цивильном костюме заканчивал чихвостить подчинённого по телефону... а глаза у самого добрые.

– Аслан Тачевич, спасайте-выручайте!

– Что с вами?!

– Не со мной, с Абхазией. Спасайте престиж родной республики! Нужны остроумные люди...

И я изложил просьбу.

– Тридцать восемь лет на службе, с такими просьбами никто в милицию не обращался, но вас пони-

маю: нельзя писать лишь о войне – человек с ума может сойти. Жизнь богаче! Юмор позволяет перезагрузить закипающий мозг. Я стараюсь, когда ситуация тупиковая, перевести разговор в шутку. В милиции ухочешься! Да что вы...

А уже через два часа мы сидели на набережной в знаменитой «Брехаловке» в компании его друзей. Солировал Аслан Тачевич:

– Помню начало работы: я молодой лейтенант, после учёбы, в первый же день меня отправили на место происшествия. По дороге знакомлюсь с напарником:

– Меня Аслан зовут, а тебя?

– Т-ттоже А-ааааа-слан.

– Ты не равняй! Я хоть и Аслан, но не такой длинный.

Добираемся по адресу: новый дом, опрашиваем жильцов, ищем свидетелей разбоя. Пока сержант заикается в одной квартире, я обойду пять. И тут на площадку, шарыхая тапками, выходит старушка.

– Бабушка, вы случайно грабителей не видели?

– Видела, сынок...

Говор у неё с сильным абхазским акцентом.

– Опишите этих негодяев, какие-нибудь особые приметы.

– Один выше, другой ниже!

– Ну, теперь мы их быстро поймаем! «Один выше, другой ниже»... А по национальности, не обратили внимание: армяне, грузины, русские... абхазы...

Только дошёл до абхазов, старуха как взвизгнет.

– А!.. Как можешь наш народ позорить. Разве бывают абхазы бандитами?!

Она сорвала с плеча полотенце и давай хлестать, гнать меня вниз по лестнице, осыпая проклятиями, как орлица налетела... В общем, выполнение моего первого боевого задания бабка сорвала.

Александр, постепенно буду знакомить тебя со своими друзьями. Этого уже знаешь – Рома, судья.

Мы обменялись поклонами.

– Сегодня думаю, кого взять в компанию, на разговор? Рома, три раза тебе звонил, ты не взял трубку.

– У врача был.

– На слово мы тебе, конечно, не поверили бы, но убедились сами: едем, гляжу Рома топает по центру Сухума в синих бахилах... Кричу Александру:

– Смотри! Вот тот нам и нужен!

– Потому что из больницы сбежал?

– Нет, потому что мой друг.

Я согнулся от хохота, вспоминая ситуацию.

– Уа-хаа-хаа! – вторил Аслан.

– Забыл в больнице снять, – сконфузившись, объяснил Роман.

– Представь... какие решения на су-де-еее... он выноси-иит!.. – стонал Аслан.

– А-га-ааа! Хр... хорошо, на... ноги... – подхрюкивал я. – При мне в Очамчырах, в поликлинике, старик бахилы на голову напялил... думал, шапочка...

– Да ладно вам! – отмахнулся Роман.

– Александр, вчера у нас инаугурация президента была – наш национальный праздник. Хотел кого из коллег позвать на разговор с писателем, но мужики опухшие, все по размеру сделались больше меня. Я к Валерию Шаловичу с утра заглянул, мне сразу такие две штуки дали, – Аслан показал на вазу. – «О, – думаю, – не напрасно зашёл!» Сидим, заходит со своим стаканом зам (он всюду ходит со своим стаканом), мы – пятый раз по второй... А ещё сегодня свадьба. Думал, хоть один день не буду пить, куда там... Как тяжело, Саша, жить у нас в республике. Вчера там, сегодня здесь, завтра в селе друг пьянку устраивает...

Говорят: «Работай!» Когда-аа?!

Аслан повернулся к франту в белом костюме:

– Бесик, теперь ты давай свои байки!

Бесик поправил золотую оправу очков и ломаться не стал:

– Рубен недавно приезжал, сейчас в Америке живёт. Жалко, вы не познакомились... Заглянули с ним сюда, в «Брехаловку», выпили по пятьдесят. Раньше-то мы частенько заходили.

– «Частенько»!.. Вы не частенько заходили, – хмыкнул Аслан, – вы не уходили отсюда! «Часто заходили», говорит.

– ...Аслан, не сбивай! До войны он в Сухуме лучшим следователем был, а сейчас в США простой каменщик, жаловался: «Совсем жизни нет, не могу найти другую работу. Обхожу конторы, первый вопрос на собеседовании: какое, мол, образование? Объясняю им популярно: «Юрфак!» – «Fuck me?!» Глаза по пять копеек, и сразу выгоняют».

Бесик довольно хохотнул.

– Подвыпили, шнобелем уткнулся мне в плечо и давай душу изливать: «Бесик, – хнычет, – не поверишь, кругом жучки: за Америку плохого не скажи. На жену, дочку, сына не смей голос поднять, не то что руку – сразу посадят. За стенкой у меня немцы живут, прикинь. Настоящие немцы! В пять утра перфоратор врубил – не понравилось, немчура проклятая... Гавкают что-то по-своему... Жена переводит: «Как вы смеете нас будить в пять утра? Будем жаловаться в полицию!» Я им через стенку

на абхазском: «Вы когда войну начинали, ваш Гитлер всю нашу страну разбудил в четыре утра! У меня дед, чтоб знали, до Берлина дошёл!» Сразу заткнулись, примолкли... Сволота! Мне жизни никакой нет в этой Америке, я там на птичьих правах! – задирает штанину, показывает ногу: – Весной травму получил. Поднимал кирпичи вверх, сорвался блок, раздробил большой палец на ноге. Я сразу бот скинул, ногу – в холодную воду. Хозяин тут как тут: «Чего стоишь?» Показываю, нога бордовая вся, опухшая, в ботинок не лезет. «Хорошо», – буркнул. Обратно идёт, опять увидел меня: «Всё стоишь?! Раз живой, должен работу продолжать».

А кто его просил из Абхазии уезжать? Глаголет умно, а зад в навозе. Я, извиняюсь, по-русски скажу: «Твою мать!..» – в сердцах произнёс Бесик.

– Э!!! Ора-аа! – востепенулся Аслан. – У нас так нельзя говорить!..

– Александр, по-русски ведь можно матюгаться? Иногда хочется...

– Владимир Владимирович писателям разрешил. Наши предки не для того ломали голову, выдумывая магические слова-обереги, чтоб они пылились в запасниках. Это как гласные, попробуй любую фразу произнеси без них, самую замечательную: «Псть всгд бдт слнц!» На что похоже?!

– На абхазский похоже! Давайте за наш язык, дадраа!

Аслан указал на следующего приятеля:

– Александр, это Леван, великолепный человек, но армянин. Всё равно наш, будем считать... Мы с ним дружим, просто, по-человечески, без приводов в милицию. Леван, теперь ты, наши местные легенды, притчи...

– Были...

Абхазец проезжает туннель в Кодорском ущелье, на выезде гаишник с жезлом.

Останавливает:

– Ты почему свет не включил?

– А откуда я знаю, где у вас в тоннеле свет включается.

– Есть!

Абхазец попадает на необитаемый остров, никого нет. Десять лет провёл в молитвах... Наконец смотрит, к острову кто-то плывёт... Выходит кра-са-аавица... идёт к нему:

– Я принесла то, о чём ты столько лет мечтал.

– Мамалыгу?!

– Следующий!

Студента медфака на экзамене спрашивают:

– Что такое склероз?

– Можно своими словами?..

– Ну, пожалуйста.

– К нам в Абхазию мингрельцы приехали в гости, а уехать забыли.

– Понят-ноо-оо...

* * *

Я не заметил, как за разговорами, за смехом пролетело время.

На прощанье мы обнимались словно старые друзья:

– Аслан, мужики, спасибо вам! Вы закрыли брешь в материале практически своей грудью.

– Раскудахтались немножко...

– Берегите себя! – умолял я. – Вы – живое национальное достояние.

Мужское братство

*Плетень держится кольями,
а человек – человеком.*

Абхазская пословица

Водителю маршрутки, молодому парню, я выразил искреннее восхищение:

– У тебя акцента нет совсем.

Он ухмыльнулся:

– Мама русская, родился в Иваново, прожил там до 18 лет.

– Ты-то мне и нужен... И как? Где лучше?! Чем люди отличаются?

– В России люди называют другом человека, с которым живут рядом, вместе выпивают, откровенничают, а случись что – его нет: «Мама не пустила, жена не разрешила». Не понимаю такого. Мне есть с чем сравнивать... в Абхазии не так.

– Твоя русская мама в курсе, как ты оцениваешь соплеменников?

– При чём здесь она? У подружки умерла родная тётя, так она даже на похороны не соизволила пойти, дом через дорогу – пьяница!

– Однако Россия единственная помогла Абхазии во время войны...

– ...Ну, я же не за весь народ.

Нугзар позже выдвинул версию:

– Этот парень прочувствовал разницу в понятиях «друг» здесь и у вас. Мужское братство у абхазов в чести... Про это тоже сложили легенду.

Жил в стародавние времена смелый и удачливый охотник Керим.

Как-то раз подстрелил он лань. Керим срезал виноградную лозу, крепко связал ею ноги лани и поволок добычу домой, в долину. Долго волок Керим тяжёлую ношу, устал, вечер опускался на землю, а до родного селения ещё далеко. «Переночую у старого приятеля, живёт тут недалеко». Он спрятал добычу в яму, забросал ветками, когда озарила неожиданная мысль: «Интересно, верный ли он друг? Надо испытать, ведь дружба познаётся в беде...»

Дружок встретил Керима радостно:

– Заходи скорее! Ты всегда желанный гость!

Но Керим с порога трагически произнёс:

– Сегодня не гостем к тебе, со мной беда!.. Я убил человека...

– Убил человека? – ужас застыл на лице дружка.

– Да. Убитый там, у дороги. Помогите закопать, чтоб не осталось следов. Спешить надо, пока ночь, идём!..

– Ты убил челове-е-ека?

– Да, да!.. Видишь, весь в крови. Пойдем скорей! Один не справлюсь. Захвати лопаты...

– Послушай! Я, конечно, никому не скажу... Я твой друг, можешь на меня положиться... Всё готов делать... Но... тогда и меня...

Керим недослушал, круто развернулся, ушёл.

«Вот она, дружба!» – с горечью думал он, направляясь в соседний дом, там жил сверстник, вместе они ходили на охоту, в один год женились. Керим и его попросил помочь.

– Плохо твоё дело, – посочувствовал тот. – Но зачем ты хочешь, чтобы я, как сообщник, отвечал за твоё преступление?

– Значит, не выручишь?

– А ты хочешь навлечь беду и на меня? На меня, ни в чём не повинного?

– Прощай! – крикнул Керим и снова отправился в путь.

Он обошёл одно село, затем соседнее, всюду встречая отказ. Уже под утро Керим внезапно вспомнил брата Дахара: семь лет они враждовали, старательно избегая встреч друг с другом. Невеста Дахара в день свадьбы убежала с Керимом в горы. Дахар тогда Кериму пригрозил:

– Ты опозорил меня! Братоубийцей не стану, но никогда не показывайся на глаза, слышишь! И знай: отныне у меня брата нет!

Прошло семь лет... С тех пор они ни разу не сказали друг другу ни слова.

Близился рассвет, когда Керим постучал в дверь пацхи Дахара.

– Кто здесь? – окликнул глухой голос.

На пороге стоял Дахар.

– Ты?

– Да, я... твой брат... – проговорил Керим.

– Нет у меня брата! – резко ответил Дахар.

– Прошу тебя... выслушай...

– И слушать не хочу! Прочь!

– Беда, Дахар! – взмолился Керим. – Я убил человека... Спаси меня! – простонал Керим и рассказал Дахару то, что рассказывал в эту ночь всем. – Скорей же, Дахар, торопись! Погибну, если не сможешь...

Светало, когда братья подошли к яме.

Керим разбросал листья, ветки, указал Дахару на лань.

– Вот, её я убил! Не убивал человека. Хотел только узнать, кто мой друг? Теперь знаю, что мой истинный друг ты, Дахар!

– Мужское братство ценится у нас, абхазов, превыше всего! – признался Нугзар. – Торговля, кустарное ремесло не для нас. Испокон веков наши мужчины, чтоб не закинула кровь, предпочитали заниматься каким-нибудь опасным делом – войной, грабежами, воровством... «Княжество Абхазия – это непрерывная бойня родов, кинжальщина, интриги и разбои...» – так отзывались о нашем благодатном крае в 1912 году¹.

Слушая Нугзара, я вспомнил у Фазилия Искандера: «В наших краях доблесть мужчины проверялась способностью с наибольшей дерзостью угнать чужого коня, стадо овец или, в крайнем случае, корову. Это была своеобразная восточная джентльменская игра, при которой хозяин, обнаружив пропажу, гнался за обидчиком и стрелял в него без всякого предупреждения. Игра была благородной, но опасной. Вот почему горец, показывая на своего коня, клялся всеми святыми, что он у него ворованный, а не какой-нибудь купленный или дарёный. Иногда конь оказывался именно купленным или подаренным, тогда клеймо позора ложилось на хвостуна до тех пор, пока он его не соскребал строго доказанной дерзостью»².

Нугзар поднял указательный палец, заостряя внимание:

– Исстари абхазы считают: именно лихие дела и роднят нас с русскими. В Абхазии бытует убеждение: «Россия чисто военная держава, в ней только и делают что сражаются да покоряют других, а не торгуют и почти не занимаются земледе-

лием»³. Однако, как ты заметил, Александр, всё в Абхазии имеет свою особенность, воровство в том числе. Повсюду воровское сообщество – теневое правительство над государствами, у вора нет идеологического врага, воры – граждане мира, интернационалисты, миротворцы. Вор не имеет права, по законам общака, воевать. Но абхазский вор – прежде всего патриот, а уж потом член тайного ордена... Мужское братство для него выше любого закона, выше любых понятий.

– Лихо!

– Во время войны у нас вор в законе воевал, после кто-то из блатных на сходке в Москве показал фото, где он стоит с автоматом в руках. Ему «дали по рогам» – лишили высшего воровского звания: «Нарушил воровской закон!»

Да, воровское сообщество – параллельный мир.

Не зная его, не понять и устройство государства. Воруют повсюду, даже в Америке... И всё же в Абхазии к ворами отношение особое... Не просто уважительное – восхищённое, как у нас к космонавтам! Профессия эта в Стране души окружена ореолом романтики. Более того, в пантеоне абхазских богов бог воровства и разбоя Эйрих-Аацных занимает почётное место⁴.

Честно написать про Абхазию, обойдя стороной тему воровства, нельзя.

Я так считаю не потому, что на рынке у меня дважды вскрывали молнию на рюкзаке, и не после личного знакомства с вором в законе (кстати, очень эрудированным, обаятельным горцем). Просто многие собеседники заводили на эту тему разговор сами, отмечая: воровские понятия справедливее светских законов.

Иосиф Бродский разоткровенничался в «Письмах римскому другу»:

*...Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.
И от Цезаря далеко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все заместники – ворюги?
Но ворюги мне милей, чем кровопийца.*

Я хочу повторить вслед за поэтом: и «мне милей»...

¹ «Из кисловодской старины» Кавказский край. Пятигорск, 1912. 27 ноября.

² Фазиль Искандер. «Айша».

³ Станислав Лакоба. «Крылились дни в Сухум-Нале».

⁴ Роман Петрозавили. «У стен Анакопии».

Природа

Без Апсны и абхазу не быть.

Абхазская пословица

На берегу озера Рица писатель Джума Виссарионович Ахуба воздел бокал:

– Над Абхазией до небес возвышаются ледяные горы, от них даже летом веет холодом, у ног – ласковое Чёрное море. Абхазия заключена навек между злом и добром, между жизнью и смертью. Мы, абхазцы, похожи на братьев, у которых сказочно красивая сестра. Мы всегда должны быть настороже, кинжалы наши наполовину вынуты из ножен. Ведь многие хотят умыкнуть красавицу. Всем она нравится, все хотят ею обладать.

Хотел бы посмотреть, кто откажется за такое выпить стоя?

На этой благодатной абхазской земле природные жемчужины – россыпью. Одна на другой! А кто может рассказать о природе лучше охотника, кто её подмечает зорче? Никто. Руслан Гварамия – один из таких, и когда он пригласил в гости, я не раздумывал. Его коренной – родительский – дом в предгорье Кодорского хребта. Мы расположились на просторной лужайке, Руслан вынес альбом с фотографиями, а я всё поглядывал на небо – собирался дождь.

– Станет накрапывать, спрячемся под крышу, – успокоил он. – Ткуарчал раньше всегда считался мочевым пузырём Абхазии. Сейчас климат меняется, надвигается большая засуха. Птицы, звери чувствуют её заранее. Раньше в лесах енот не водился, теперь есть. Белая сова – вообще северная птица. Попала в капкан, несъедобная, зачем должен убить? Вылечил, отпустил. А некоторые птицы, наоборот, пропали, рупала например.

Руслан раскрыл альбом:

– У нас очень красиво... Здесь на склонах Кодорского хребта более тридцати озер: Адуада-Адзыш, Орка-Ццали, Дериквара-Адзыш, Кабирваш... Это место называют «голубым ожерельем Кодора». В верхних горных цирках шумят водопады. Среди скал, альпийских лугов прячутся малые и большие ледниковые озера, и среди них, в истоках реки Бутыхах, одно из самых глубоких, красивых в Абхазии – озеро Адуада-Адзыш. На террасе перед озером каскадный водопад. В конце июля жара, а здесь ещё цветут рододендроны.

Горы даны для созерцания, для радости души.

Нельзя ходить в лес за куском мяса. Ты иди, не

ставя перед собой такую цель, и Бог даст тебе. Где бы ты ни был, твой кусок тебя найдёт, хоть на другом конце света. И когда отправляешься за дровами, топор не должен быть направлен лезвием к лесу, лес не должен чувствовать угрозу...

Предпочитаю ходить в горы один.

Сам на сам.

Люблю слушать, как распускаются цветы.

Люблю быть выше облаков.

Ступаешь, как в сказке...

А вечером... Озеро под облаком и тишина...

Темно-синяя гладь воды покоится в чаше из воронёных скал. Сверху по уступам стекает ручей, поверхности озера касается чистый белый снежник.

Разведу на привале костёр... В котелке варится дичь, ароматом дурманя...

Это и есть счастье!

Я с детства – так. Отец у меня был прославленным охотником, с природой на «ты». Сто семнадцать лет прожил. Отец-долгожитель знал день и час своей смерти. Однажды пригласил нас с братом за стол и сделал это как-то необычайно торжественно: одет с иголочки, чисто выбритый. Думаю: «С чего бы?»

– Здоровье у меня неважное, – говорит. – Собираюсь умирать, но прежде должен поднять два тоста. – Сам налил бокал вина. – Я оставляю после себя самое дорогое – сыновей и нашу уникальную абхазскую природу. У нас об этом не принято... но в час, когда ухожу, – другие законы.

– А второй тост за что хочешь поднять, баба?

– Второй за долгожданную скорую встречу...

И опять выпил бокал до дна... Затем поднялся, ушёл в свою комнату.

Через пятнадцать минут мать выходит бледная:

– Отец умер.

Я смелый-смелый человек, но у меня мурашки по телу...

* * *

Описывать природу Абхазии – занятие бестолковое.

Приезжайте и полюбуйтесь сами.

Такое стоит увидеть лично, прочувствовать, проникнуться...

А рассказывать о водопадах, в которых купался, о белоснежных вершинах на фоне ярко-голубого неба, о россыпи дурманящих цветов... Можно, конечно. Можно-то всё. Но довольствоваться этим?! Не знаю... Это всё равно как свидание с любимой про-

менять на чтение занудной научной статьи о размножении чаек на Белом море.

Единственно, что мне, любителю дикой природы, не понравилось: Голубое озеро, жемчужину Абхазии, как мухи зеркало, загадили торговыми палатками фарисеи, облепили фотографии с обезьянами на поводках.

Этот бриллиант должен быть в оправе нежной зелени.

Нельзя пускать торговцев в Храм природы.

Вера

*Чья страна, того и вера (того и религия).
Cuius regio, eius religio.*

Абхазия позиционирует себя как православный регион...

Прикольно!

Насколько всё-таки русское православие отличается от православий других.

Взять лишь одну деталь...

Православный человек в России входит в храм за-долго до церкви.

Ещё не ласкают глаз маковки золотых куполов, ещё петляет тропинка в высоких росистых травах, а навстречу из-за холма уже льётся малиновый благовест.

*Как нежный звук любимых слов
На языке полупонятном,
Твердит о счастье необъятном
Далёкий звон колоколов¹.*

Ни разу за полтора месяца я не слышал в Абхазии живого колокольного звона – один раз довелось услышать перезвон на «входящем» мобильного отца Виссариона, настоятеля Сухумского кафедрального собора.

В Западной Европе при православных храмах тоже висят колокола, но у них функция сигнальная – «сбор на духовный обед». Стил православной храмовой музыки далёк от западных традиций... Русская православная на колоколах – другая. Не «Подмосковные вечера», не танго... Православные колокола – не «бим-бом, загорелся Кошкин дом». На Руси на колокола возложена миссия искусства, подобного нет нигде в мире. У нас колокола не настраивают по нотам: до, до диез... Это иная музыка. Это музыка стихии, музыка природы... В основе её – рит-

мическое постоянство. Это триада: верхние зазвонные колокола, высокие – звонарь звонит правой рукой; мелодические колокола – звонарь звонит левой рукой; и бас – один, два или больше – звонит ногой. Сбалансированная ритмическая структура... В итоге получается мелодия, но не в обывательском смысле слова, чтоб песню спеть, а со своим особым звуко-рядом. Спеть его невозможно, можно только услышать. В Западной Европе карильонный колокол нивелируют, чтобы поменьше обертонов: до диез, ми, фа. А в православной культуре: отлили колокол и – не трогают, не подтачивают, как есть, как Бог дал. У нашего колокола огромный комплекс обертонов. Послушайте особенно большие колокола – каждый поёт голосом своим, уникальным. Коли их много – получается сочная богатая симфония. Из этой музыки русские звонари изобрели разные жанры: погребальные звоны, будничные, праздничные, красные, великие, малые. К тому же каждая церковь обладает звонами собственными, наборами колоколов неповторимыми.

За годы советской власти культура колокольного звона пришла в упадок. Сейчас по крупицам, шаг за шагом её восстанавливают. Когда после семидесяти лет молчания впервые зазвучали колокола, вся Красная площадь на колени встала.

Русь тысячу лет на этом воспитывалась, теперь пробудилась.

Это только что касается колокольного звона. И так можно перечислять, перечислять...

В Абхазии православие иное.

Игорь Герзмава мне объяснял популярно:

– Есть аныха – святилище общенародное, их семь, а есть ажира – святая кузница, святилище рода. Там находятся железные предметы, доставшиеся по наследству от предков: наковальня, щипцы, кованые части от арбы, там хранится энергия рода, там молятся, приносят жертвоприношения Богу, забывая козла. Я чуть-чуть православный, чуть-чуть язычник. У меня тоже дома кузница, как в старину у наших предков. Поклоняюсь Духу гор, Духу воды, Духу леса.

– Удивляюсь, как вы не запутали Господа?

– Господь милостив... Именно такую дал нам веру. Ведь как-то сохранить себя надо, хотя очень трудно. Вон Греция, колыбель мировой цивилизации, оттуда пошла поэзия, арфа... И что мы видим сегодня? В Греции нет собственного оркестра народных инструментов. Страна, народ, этнос дегра-

¹ Константин Бальмонт.

дируют, исчезают. В Абхазии целых два оркестра народных инструментов, свои мастера, которые изготавливают инструменты по старинным технологиям. Стоит забыть истоки, предать забвению культуру, и потеряешь себя. Чем сильны абхазы? Корнями. Вроде бы такой маленький народ, целиком на стадионе Уэмбли весь поместится, ещё и свободные места будут, а страна оказалась непобедима. Выходит, наша вера сильнее.

Когда задаёшь вопрос, кто ты по вере: православный или мусульманин, часто можно услышать ответ: «Я абхаз! Зачем мне такой ислам, который мешает быть абхазцем? Ислам откуда-то пришёл – апсуара была всегда». Абхазские мусульмане с удовольствием едят свинину, пьют вино, водку, никакого намаза не делают, в мечеть не ходят (в Абхазии нет ни одной мечети!), но искренне считают себя мусульманами. Никогда у абхазов при создании семьи не смотрят на религию, уважают все традиционные веры. Если дедушка христианин, бабушка мусульманка, то дети соблюдают те и другие религиозные обряды. Существует твёрдое убеждение: если отдать какой-то вере предпочтение, душа обидится. Такого больше нет нигде в мире! Единственно, абхазы не любят сектантов.

Сила ажира – могущественная, сила аныхи – много больше. Все абхазы в это верят. Мы уважаем и боимся святилища. Жрецы у нас – на первом плане, они нам ближе, чем церковные священники, чтим их больше. Человек спокойно, не моргнув глазом, может соврать под присягой любому, здесь солгать не смеет. Это не прокуратура, не суд, никого подкупить не удастся. На святилище Дыдрыпш первый президент Абхазии давал клятву. Более трёхсот лет идёт там служба. На горе той растёт дуб, обложенный камнями. Абхазы, когда клялись, оставляли в залог топоры, ножи – они и сегодня там. Один род проклял другой, принёс в качестве жертвоприношения козла и попросил у Бога:

– Пусть проклятие висит над этим родом, пусть беды настигают до тех пор, пока они не построят золотой мост через реку.

Век висело проклятье, много умерло из-за него молодых и старых. Главе рода удалось снять порчу, когда догадался построить мост, вбив в первую и последнюю ступеньки по золотому гвоздю.

Я спросил себя: где ещё есть такая колоритная вера?

Нигде.

В православной церкви Абхазии – раскол, поэтому я встречался с одним пастырем и с другим, был у ясновидящей Аиды Кове в Гудаутах, побывал в гостях у жрецов в сёлах Ачандара и Лыхны. Каждого «смотрящего» я попросил помочь через своего Бога написать мне лучшую в мире книгу об Абхазии. Все пятеро с пониманием восприняли просьбу и согласились.

Рассказывать об этих встречах не стану... Крайне деликатная сфера.

Да и разве стоит рассказывать всё, что знаешь?!

Чёрта спросили:

– Как ты стал чёртом?

– Я говорил обо всём, что видел.

А потому, любопытство, по швам!

Нугзар допытывался:

– А ясновидящая? Зачем тебе вся эта «херомантия»?

– Хочу написать про Абхазию книгу лучшую в мире, значит, навалиться надо всем миром – кашу маслом не испортишь.

Отец Виссарион, благословляя, напоследок сказал:

– Абхазы со славянами в одной духовной упряжке – наследники вечного. Неужели мы настолько неразумны, чтоб променять этот дар на какие-то мелкие, сиюминутные цели? Желаю каждому не размениваться. Желаю каждому стремиться к небу!

Да, стремиться нужно именно к небу.

* * *

Мне близко отношение абхазов к религии.

Жрецы, священники, ясновидящие, муллы, якобы православие, якобы мусульманство гармонично уживаются в сознании абхаза. Не противоречат друг другу, наоборот, дополняют, придавая новый, более глубокий необычный вкус жизни. Оно и понятно... Все мы бывшие октябрята, пионеры, комсомольцы. Теперь россияне опять стали православными. С другой стороны, отнять языческие праздники у нас никто не смог. Неразрывно связанные с природой, они таят в себе глубокую сакральную суть. Обряды, которые совершали в старину наши великие предки-пращурь, призваны обеспечить мирное сосуществование, лад с матушкой-природой, связь с нашими родными славянскими богами. В день весеннего равноденствия славяне по-прежнему отмечают великий праздник Масленицы, летом Яблочный

Спас, 21 ноября (груденья) – приход Морены-Зимы, день богини смерти Марены, с 25 декабря (стуженья) по 6 января (стуженья) отмечаются Большие Велесовы Святки – двенадцать святодней, символизирующих собой двенадцать месяцев в году. Советский Новый год мы тоже отмечаем за милую душу, причём два раза: новый Новый год и – контрольный выстрел по печени – старый Новый год, заодно Рождество Христово по католической традиции и по русской православной, не забыв выпить за год «козла» и «дракона» по восточному календарю... Мы ни от чего не отказываемся, ничего не выбрасываем. В хозяйстве всё сгодится... Ни дня без праздника, ни вечера без повода!

Всё потому, что родина у нас одна – красный Советский Союз.

В Абхазии не все крещёные, но все верующие.
Непонятно только, что это за вера?
Это мой вопрос знатокам...

P. S.

Адгур, что возил меня на святилище, размышлял вслух:

– Не понимаю одного: аныха – всеильны. Однако махаджирство они попустили, а в отечественную войну нас защитили. Может, оттого, что Россия тогда была против, а сейчас «за»? Старики учат: «Рассветает не потому, что прокукарекала петухи».

Надежда

*В правде Бог помогает,
в неправде запинаят.*

Русская пословица

Председатель Народного собрания Славик Евгеньевич Квеквескири припомнил:

– Чтобы исключить фальсификации во время выборов, решили пометать палец проголосовавших краской. Но краска нужна специальная, чтоб не смывалась, аллергии не было. Нашли в Китае, отправили посыльного. А сколько брать? На выборы обычно ходит не больше ста... Прикинули: краски нужно на двести тысяч, вдруг будет два тура. Китайцам чудно:

– Двести тысяч? Кого выбираете? Председателя сельсовета?
– Президента страны.

Изумляются китайцы, у них в деревне жителей больше.

Им наших масштабов не понять. Абхазия – крошечная держава. Пилоты самолётов при посадке боятся проскочить страну, это как на авианосец садиться.

– Велик буйвол, да воду возят, мал сокол, да на руках носят.

– Согласен, размер – не главная наша проблема... Абхазы – максималисты. Мы хотим всё и сразу. Ко всему с ленцой относимся, нас природа расхолаживает: не напрягаясь можно прожить. Прав учёный Иван Ильин, который считал, что переход от коммунизма к государственности возможен только через национальную диктатуру и авторитарный режим.

Сейчас главой республики избрали авторитетного, знающего абхаза, он разберётся...

* * *

Вновь избранный президент Абхазии Рауль Хаджимба.

Ещё задолго до встречи с ним я был под впечатлением от восторженной людской молвы. И вот на приёме... Рауль Джумкович принял меня, несмотря на многократно перегруженный график:

– Народы России оказали нам в обретении статуса независимости помощь неоценимую, абхазы этого не забудут никогда. Верю, наше сотрудничество будет лишь укрепляться. Об этом нужно полнее рассказывать... Дай бог, чтоб ваша книга об Абхазии удалась.

Война – страшное испытание, страшное горе. Война показала силу духа абхазского народа, который сплотился вокруг лидера, объединился в одном порыве ради спасения Родины, ради сохранения святой земли наших предков. И победил. Абхазы, чеченцы, армяне, мингрелы, русские стали единым целым. Нам и теперь, в мирной жизни, нужно достигнуть такого же единства, сотворчества, согласованности, тогда мы победим и в труде. После инаугурации я планирую провести коллективный молебен на святилище в селе Лыхна. Это наша традиция, а от традиций отступать не хочу. Хочу встречи с народом на исторических площадях в Лыхне, в Мыку сделать регулярными, не ограничиваясь посланиями президента и встречей с чиновниками. Людям нужно откровенно рассказывать, что получается, где проблемы, обозначать причины, пути устранения. Нужно, чтобы народ из созерцателя превратился в соратника, союзника. Однако молебен – не всё... На Бога нужно надеяться, но и самим работать напря-

жённо. В одночасье не получится преодолеть все трудности, но дать импульс, начать движение мы обязаны. Люди хотят лучшей жизни здесь и сейчас. Политические декларации, прожекты хороши, если реальную отдачу почувствует на себе каждая семья. Нужно предоставить горцам работу, гарантированную зарплату. Планируем развивать частный малый и средний бизнес, обеспечив тем самым включение молодёжи в процесс созидания. Нужно сократить число чиновников. Не секрет, чем больше чиновников, тем больше проблем! Больше хаоса, больше коррупции... Это везде так. И для того чтобы снизить у чиновников интерес к государственной казне, планируем использовать наши абхазские традиции...

При этих словах я решил предложить свой рецепт:

– Жрецы открыли мне секрет огромного могущества, которым обладают святилища. Я был там, убедился лично... В силу святых мест твёрдо верят все абхазы, соврать там не решается ни один. Пусть каждый министр поклянется на святом месте, что никогда не станет казнокрадом...

Много ещё о чём хотелось переговорить с президентом молодой республики, но его ждали дела государственной важности. Завтра инаугурация.

P. S.

В ноябре 2014 года Президент России Владимир Путин и Президент Республики Абхазия Рауль Хаджимба подписали новый договор о союзничестве и стратегическом партнерстве. Документ предусматривает формирование общего пространства обороны и безопасности, в том числе с помощью создания объединённой группировки войск двух государств, которые будут подчинены объединённому командованию. Надежда абхазского народа на крепкий мир, стабильность начала воплощаться в жизнь.

Причём, обратите внимание: «общего пространства!», «объединённой группировки!»...

А то больно мнительные абхазы в беседе со мной предрекали, мол, «договор – лишь прикрытие, Расея приберёт нас к рукам, подомнёт под себя!» Всё! Времена, когда советская власть предлагала государствам свою опеку в обмен на суверенитет и, не дождавшись ответа, вводила войска, – прошли безвозвратно! Живём прямо как в песне:

*Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим.*

Любовь

*Пусть скачет твоя лошадь силой,
а моя счастьем.*

Абхазская пословица

Берадзе Лаврентий Григорьевич, ветеран Великой Отечественной войны, председатель Совета ветеранов Вооружённых сил Гальского района в любви толк понимает. Нугзар, немного с завистью, заочно отрекомендовал его так:

– В восемьдесят лет снимал квартиру и тайком приглашал туда женщин.

При встрече я напрямки так и спросил:

– Про квартиру для тайных встреч – правда?

Лаврентий Григорьевич сразу приосанился и помодел лет на двадцать:

– ...Без женщин нельзя жить, – философски ответил аксакал. – Ведь женщина – самое дивное творение Бога. Мужчина был одинок в раю, и Господь взял пучок солнечных лучей, меланхолию луны, дрожание оленихи, ласковый взгляд джейрана, красоту лебедя, серьёзность павлина, пение соловья, безобидность голубя, грациозность тростника, запах розы, сладость мёда, нежность пуховика, притяжение магнита, чистоту родника и невесомость воздуха. Смешал всё это и добавил хитрость лисицы, яд змеи, алчность акулы, жестокость тигра, язык сороки, изменчивость ветра, трусость зайца. Так получилась женщина. Бог оживил своё творение и передал мужчине с наказом:

– Береги, повторения не будет!

Мы прожили с женой почти пятьдесят лет. Прожили хорошо. Я её очень уважал и после смерти больше не женился.

Маквала Чолария, корреспондент газеты, с надеждой в голосе произнесла:

– Лаврентий Григорьевич – преданный своей семье. Жене он никогда не изменял...

Старик весь напрягся и, не удостоив женщину взглядом, отчётливо произнёс:

– Изменяют предатели родины. Водиться с женщинами – другое.

Лицо Чолария вытянулось в недоумении.

– Настоящий мужчина должен всегда делать шаг навстречу желанию женщины. Иначе она обидится: «Какой дурак! Не обратил на меня внимания».

– Ну, ведь не все женщины такого спектра, – растерялась Чолария.

– Все хорошие мужчины – такие, – и по лицу Лаврентия Григорьевича скользнула блаженная улыбка, взгляд затуманился, он покинул нас, улета-
тая далеко-далеко...

Нугзар, безучастно наблюдавший пикировку Лаврентия Григорьевича со своей сотрудницей, потом пояснил:

– В Абхазии – патриархат. Наша культура не допускает либеральных взглядов в вопросах домостроя, не приемлет джигита в стрингах, в юбке, с накрашенными губами... мы не хотим ломать раз и навсегда установленный Богом порядок, смешивать, путать... У нас много сложено легенд о любви, о том, как правильно строить отношения мужа и жены. Сейчас одну расскажу...

Несколько лет Шахан не виделся со своим другом Мшвагу и вот приехал навестить его.

Радостная картина открылась его взору: красивый дом на высоких сваях, просторный, утопающий в зелени двор, в траве под фруктовыми деревьями в изобилии индейки, куры, гуси. Он постучал в ворота, и на веранде появилась молодая женщина.

– Мшвагу дома? – крикнул ей Шахан и, не услышав ответа, зашёл во двор. – Мшвагу дома? – повторил он.

– Нету! – фыркнула женщина.

Шахан подошёл к развесистой тенистой чинаре, присел на скамью.

– Где же Мшвагу?

– Кто его знает? Не сказал.

– Мы с ним с детства дружны. Жизнь разлучила, не виделись больше семи лет.

Она слушала и молчала.

– Ну и жара сегодня! – смахнул пот Шахан. – Ну что ж, отдохнул, мне пора. Желая вам всего хорошего! – и, выходя за ворота, добавил: – Да! Жаль, не застал Мшвагу. Скажите, хотел повидаться с ним, искренне рад, что всё у него отлично, только... двери в доме неважные... Не могу скрыть, я плотник, строю дома...

Поздним вечером вернулся Мшвагу и узнал, что приходил Шахан.

– Как досадно, что ты отпустила его! – воскликнул он. – А что он рассказывал о себе? Где и как живёт? Чем занимается? Подумать только, как давно мы не виделись!

– Он тоже жалел, что не застал тебя. Вообще, он плотник, – вспомнила она, – и вот просил тебе передать...

– Что?!

– Сказал, двери у нас неподходящие. Так и заявил: этому дому нужны бы лучшие двери.

Внимательно осмотрел Мшвагу входную дверь, но никаких изъянов не обнаружил.

Прошёл год. И снова Шахан заглянул к своему другу.

– Эй, Мшвагу! Ты дома?

Молоденькая женщина торопливо сбежала вниз по ступенькам навстречу гостю, Шахан сразу заметил, что это не прежняя, другая.

– Добро пожаловать! – напевно произнесла она.

– Мшвагу дома?

– Пока нет, но должен скоро вернуться. Входите, входите!

– Нет, спасибо, – ответил он. – Мне здесь хорошо. – И направился к тенистой чинаре.

– Что вы! – восторгалась она. – Да войдите же в дом! Отдохните с дороги!

В её голосе было столько радушия, что Шахан весело улыбнулся:

– Уговорили! – В доме действительно было хорошо: и прохладно, и уютно. – Давно я не видел Мшвагу! – с грустью сказал Шахан. – Как мне хотелось встретиться с ним, и вот невезенье: опять не застал! Простите меня за вопрос, вы, наверное, жена?

В знак согласия она опустила голову.

– Поздравляю, – обрадовался Шахан. – Мшвагу – замечательный человек!

Женщина ушла на кухню и вернулась с кувшином вина:

– Пейте, не скушайте, а там и хозяин подъедет! – и она принялась быстро накрывать на стол.

«Вот так хозяйка!» – подумал Шахан, откушав с наслаждением.

Солнце близилось к закату, а Мшвагу не возвращался.

– Очень сожалею, – сказал Шахан, – но мне пора в путь.

Женщина проводила его до ворот.

– Что передать?

– Скажите Мшвагу, – загадочно произнёс Шахан, – что его приходил навестить друг детства. Передайте, я очень рад, у него превосходный сад, красивый дом... И больше всего в доме мне понравились входные двери. Да, да, так и передайте, пожалуйста. Я, видите ли, плотник... Так не забудьте, прошу вас: чудесные, превосходные двери!

Соседей не выбирают

*Грузин порядочным человеком
быть не может!..*

Сергей Довлатов. «Заповедник»

Никогда не соглашусь с таким тенденциозным Эпиграфом...

Ни время, ни преступления отдельных политиков не смогут вытравить из моего сознания грузинскую культуру: фамилии Руставели, Чавчавадзе, Бараташвили, Церетели – останутся кумирами. Фильмы «Кувшин» Ираклия Квирикадзе, «Отец солдата» Резо Чхеидзе буду смотреть и пересматривать. А генерал-полковник К. Н. Леселидзе, Герой Советского Союза, чей монумент абхазские радикалы свалили в селе Гечрипш, беззаветно служил командующим армией на Закавказском, Северо-Кавказском и 1-м Украинском фронтах. Его брат Виктор, тоже Герой Советского Союза, подполковник, погиб в рукопашном бою под Видлицей в нашей Карелии. Хотя Леселидзе-младший грузин, а вовсе не карел, в Видлице ему установлен памятник – он отдал свою жизнь за нашу общую Родину.

Нелепо утверждать, будто абхазы хорошие, а грузины нет.

Весь народ не может быть плохим. Может ли правая рука быть лучше левой, ценней? «Укушу правую – болит, левую – тоже болит», – сказано в абхазской пословице. (Этой мыслью утешаюсь всякий раз, когда вспоминаю рыжеусого Тараканища, который, забравшись в Кремль, тиранил всю страну.) Грузия – сосед Абхазии. И по-своей меж ними случилось всякое, как у всех. Но не бывало в истории, чтобы соседи держались на штыках.

Невозможно разделить общую историю.

Не разделить семьи.

Нельзя разделить любовь.

Никак не разделить небо...

*Родины разны, но небо едино.
Небом единым жив человек¹.*

Не получается разделить и реку...

Энергетическая система на пограничной реке Ингур: вода поступает по каналу из Грузии, а турбины, энергоблок, выработка электроэнергии – на территории Абхазии. Двадцать лет политики ломают голову: как расчленить предприятие. Для инженеров очевидно: энергетические мощности не-

делимы! Никак друг без друга не обойтись. Политикам не под силу разорвать связь между народами, живущими бок о бок тысячи лет.

Это символ!

В романе грузинского писателя Константина Гамсахурдиа «Похищение луны» приводится мифологическое предание. Под стенами Рухской крепости, неподалеку от левого берега реки Ингури, шла когда-то война между абхазами и грузинами. Тщетно пытались грузины взять крепость. Наконец решено было покончить спор единоборством палаванов. Грузины выставили своим бойцом некоего Чолокашвили, абхазы – одного из Эмхвари. Чолокашвили в летах, сед, Эмхвари – безусый юноша. Встретились палаваны в том месте, где причал парома. Эмхвари выхватил саблю, ринулся на противника, но тут же опустил оружие.

– Чего ты ждёшь? – спросил Чолокашвили юношу.

– Жду, чтобы первым замахнулся старший.

И они расцеловались как друзья.

Абхазам и грузинам пора, как и тогда в старину, забыть распри и обняться.

Пусть скажет решающее слово богиня мудрости Атана.

Надо восстанавливать мост «Дружбы», хоть понятно, что на это и уйдут годы-годы...

Душа земли

Душа не яблоко: её не разделишь.

И. С. Тургенев

Ярассказал ему про своё неожиданное открытие, сделанное на необитаемом острове в Белом море: оказывается, у человека в экстремальных условиях открываются новые творческие грани, сама природа в этом соучаствует.

Руслан согласился:

– Подобные территории называются местами силы. Там при благоприятных условиях открывается не замутнённая ничем, чисто работающая земная энергетическая локаль. Именно в таких условиях и открывается Истина.

Как всё просто...

Так мы и познакомились, потом Руслан читал свои стихи:

¹ Андрей Вознесенский.

*Остановись к хребтам всходящий
В ущелье, издавна святом,
Здесь камень, истово гудящий,
Гневлив и милостив притом.*

*Встань над рекой бурливо-пенной
И подыми неспешно взор.
Решись, с мольбой проникновенной
Себя яви преддверью гор.*

*Взгляни попристальнее, путник,
В откос всевидящей горы.
Теперь она твой строгий спутник
До той ей ведомой поры.*

*Когда, путями утомлённый,
Войдёшь обратно в этот створ
И будешь верить, умудрённый,
В святую силу духов гор.*

Руслан Кокочив Аджинджал – Поэт с большой буквы, философ, лингвист и многое-многое что ещё. Представление об Абхазии будет неполным без знакомства с ним.

Он закурил, на секунду задумался и, пристально глядя мне в глаза, стал рассказывать:

– Мудрости категории противоположены! В изолированных замкнутых системах типа племени, затерянного в джунглях Амазонки, или монастырской братии, отрешённой от внешней жизни, от благ цивилизации за стенами монастыря, – существуют уникальные условия. В таком сообществе выбор поступков облегчён, упрощён. Меньше шумовых отвлекающих помех, в итоге – меньше ошибок. Человек поступает по природе Божьей, более искренно, естественно. Не по воле случая или диктату обстоятельств. А в миру человек редко принимает решение по душе, хотя самый правильный выбор тот, который сделан именно по душе, подсказанный сочувствием к человеку, любовью к ближнему. Прав Даль, одним умом тут не возьмёшь, ум есть и у скота: «Ум лишь часть духа человека (ratio, Verstand), низшая степень, а высшая – разум (intellectus, Vernunft); ...Умён, да неразумен; С ума спятил, да на разум набрёл, с будничного ума, по людским пересудам, а напал на путь истинный, высший, духовный». Ум сочетается с нравом, нравственностью, хотеньем, любовью, страстью лишь у человека.

По этимологии Руслана Аджинджала... Не морщи лоб, Александр, и не пытайся вспомнить ветхозаветного мудреца. Руслан Аджинджал – это я.

Так вот, по моему убеждению, «раз-ум» – означает разящий, поражающий ум. «Ума палата» – в этой палате нет места сердцу. «Ума полон», полонён умом – жалкая, незавидная участь.

Зачастую, изучая этимологию слов, в самых простых созвучиях, комбинациях букв может открыться глубинный смысл. Взять слово «огонь». Вслушайся в звучание – «о-гонь». Фонетика раскрывает смысл: огонь гонит. Когда горит степь, когда верховой пожар в лесу, пламя летит со скоростью курьерского поезда, с гулом и гонит, вынуждает спасаться бегством всё живое. А реверсивное чтение этого слова: «ного». Не может быть случайностью результат обратного чтения. Это всё равно что, зарывшись пальцами в песок, в секстиллиарде песчинок найти нужную и выцепить её.

В русском языке бесчисленное количество вариаций. Невообразимо богатая лексика, способная передать эмоции, подтекст, мистику... Значения слов переворачиваются на глазах, становясь совершенно иными, меняя первоначально заложенный смысл лишь от соседства с другими словами. Классическая форма русского стиха гениальна. И тем сильнее заметны огрехи современной поэзии. Зачастую её невозможно читать: отрывистые, не связанные между собой строки. Вместо стройного изложения – выкрики, всхлипы, лохматость фраз, мысль теряется на пути от первой строки к концовке, нет идеи в словах... Мне не нравится рваная поэзия, но я понимаю этих неустоявшихся людишек. По-своему такая поэзия эмоций тоже ценна... Как свидетельство истории. Когда нет опыта жизни, когда человек городской... Видимо, какова жизнь, такова и поэзия. Русский язык – чудовищно чуткий, оттеночный язык. Одна из причин его богатства в том, что он вобрал в себя, переварил много других языков. У него хорошая наследственность – древнерусский язык глубже, многослойней любых других. Он явился прочным фундаментом, на который наслаивались новшества. Есть и особо насыщенные значимые слова, несущие с собой образы, вобравшие в себя менталитет народа, его опыт. Я абхаз, коренной. У меня мать почти не говорила по-русски, отец так... с пятого на десятое. В пять лет я читал и писал по-русски, читал и писал по-абхазски. Метрику переправили, и в пять лет я пошёл в русскую школу с гуманитарным направлением. В третьем классе учительница поймала меня за чтением «Декамерона» Боккаччо. Её удивило, где достал книгу.

Я верующий, крещённый. Крестился поздно, после войны, человека надежда влечёт. И ещё говорят, крещение снимает грехи. Все. Война – страшная

штука... Грузия заложила этой войной в абхазском народе ненависть, которая будет преодолеваться долго. Несколько поколений понадобится, чтобы пригасить. Друзья любимы, когда ценимы. Отдельные учёные Грузии были против агрессии, например философ Мамардашвили. Мир стоит до рати, а рать стоит до мира. Из войны этой я вышел удручённым, мой дух подавлен. На войне победы нет! Только распоследний негодяй, идиот, олух может считать, что орден-медаль – награда за войну, альтернатива тем усилиям, что он приложил! – рыжие пышные усы его с негодованием встопорчились.

Нельзя заставить уверовать, к Богу надо прийти самому. Можно подсказать, объяснить, направить, убеждать надо, но принуждать человека верить – самый страшный грех. Принуждать нельзя, он должен сам к этому прийти в этносе, в этнокультуре. Но и другой вере в христианском мире дозвелье нельзя, в массе, в общности: там, где звонит колокол, призывы муэдзина неуместны, они должны быть обособлены.

От первых дней

*Нас несовершенных создавший,
Великий Боже...*

Из абхазской молитвы

*Когда-то Гоги и Магоги
Смущали лютостью людей.
Смиряли мир с Олимпа Боги,
В угоду корысти вождей.*

*Но мы, абхазы – человеки,
Не льнули к ложному крыльцу.
От первых дней и днесь, вовеки,
Верны Единому Творцу.*

*Живём, верны Его Уделу,
Верны божественному делу –
Служенью чистому Апсны.*

*И к Алтарю Его склоняясь,
В трудах и в войнах очищаясь,
Смиренья мудрого полны!*

Хотя в иную веру вникающий – в своей укрепляется. Может, когда-нибудь веры и сомкнутся, Бог даст, не знаю... Но искусственно ускорять этот процесс не стоит.

У абхазов тень – предвестник ночи!.. Мир так устроен... Вот попомни моё слово, говорят же о приближении последних дней? Они наступили уже. Просто люди не видят. Армагеддон, апокалипсис, жестокие времена уже наступили. Мир уже рухнул. Мир уже летит в бездну... Предстоит очень тяжёлый период для человечества. И во всей этой катавасии твёрдо будет стоять только Россия. Сильно стоять! Богородица свои снежные крыла держит над Россией ежедневно, еженощно. Она – покровительница России. Мощнейшая!..

А что касается Абхазии... «Апсны» переводят как «страна души». Неверное прочтение.

– Как правильно?

– Душа земли. Планета Земля – живой организм, её душой является наша Абхазия.

Душа земли

*Растаяли снега Килиманджаро.
Пожарче стал над Африкой зенит.
Весь в трещинах скрипит Мохенджо-Даро,
И сельва в Амазонии горит.*

*Из мутных рек воззрились крокодилы
На гордостью обуянных людей.
Они до нас на этом свете жили
И, может быть, пребудут больше дней.*

*Дрейфуют потихоньку континенты,
Молчит Земля, обиду затая.
Но, слышите, земные континенты!
Стоит, как встарь, Абхазия моя!*

*Святейшими горами Семиречье
Возносится, размеренно дыша.
На стороне той Божьей, Человечьей,
Земли сырой содержится Душа!*

P. S.

Я уехал и тепло Души мира навечно увёз с собой... Не покидает ощущение, что я не спал, а сон видел. В Абхазии остались святыни, ставшие теперь и моими, остались друзья. Наши души тонко вибрируют, единым оркестром исполняя ноктюрн солнечного созвучия... И духовная близость, невзирая на расстояния, лишь крепнет.

Словарь

Ааоны анхера (абх.) – жертвоприношение за полученный дом.
 Абчарах (абх.) – старшина пастушеской общины.
 Абырк (абх.) – почтенный абхазский старец.
 Абыста (абх.) мамалыга – горячая слипшаяся бессолая каша из манки и кукурузы.
 Адоух (абх.) – чародей.
 Ажвейпшаа (абх.) – божество охоты, покровитель дичи.
 Ажвлар! (абх.) – третий тост за народ.
 Ажира (абх.) – родовое святилище, кузня.
 Ажьрацъра (абх.) – родственные узы, не женятся на сёстрах до 7 колена.
 Ажэлар, шэхадкы! (абх.) – Народ, да положу я свою голову вместо вас!
 Ажэлахыхра (абх.) – лишение фамилии.
 Айныхра (абх.) – поминальные угощения.
 Акыта (абх.) – сельская община.
 Алабаша (абх.) – посох старца с металлическим острым наконечником.
 Аламыс (абх.) – совесть.
 Аламысда (абх.) – бессовестный.
 Амашир алпха (абх.) – жертвоприношение, когда сыну исполняется 18 лет, мама вокруг его головы обносит петушка и отпускает птицу в лес.
 Анца ил-пха! (абх.) – первый тост – традиционное обращение к Всевышнему с просьбой ниспослать «теплоту его очей» (здесь «Анцва» – «Бог», «илпха» – «его милость», «теплота его очей»)
 Анча инохера (абх.) – молебен Богу один раз в пять лет с жертвоприношением козы.
 Аныха (абх.) – святилище Абхазии.
 Аныхакуа рылпха! (абх.) – второй тост – обращение ко всем святилищам силам ниспослать народу милость, благословение (буквально «теплота очей святилищ»)
 Апсны (абх.) – Абхазия, Страна души.
 Апусуара (абх.) – сама суть абхазского народа, кодекс чести, вера! У Лихачёва «русскость» и «русский» – здесь Абхазия и абхазскость, Апсны и апсуара.
 Апшалас (абх.) – северный ветер.
 Асду (абх.) – большой снег.
 Аталбаш (абх.) – председатель пира.
 Атана (абх.) – одно из божеств абхазского языческого пантеона – богиня мудрости.
 Ахапца (абх.) – кувшин, всегда заполненный красным вином, зарытый в землю.

Ахаца (абх.) – герой.
 Ахацара (абх.) – мужество.
 Ахидз (абх.) – «имя» и «слава» по-абхазски выражаются одним словом.
 Ахъзыхра (абх.) – лишение имени.
 Аца (абх.) – плетёный либо дощатый кукурузник на высоких столбах.
 Ацапа (абх.) – навес для пирующих, крытый обычным брезентом; Ацапа; Махаджирство.
 Баба (абх.) – отец, папа.
 Бзиала шзаабеит! (абх.) – Добро пожаловать!
 Дад (абх.) – у абхазов обращение старшего по возрасту к младшему.
 Дадраа (абх.) – абхазское торжественное обращение к собравшимся.
 Дида (абх.) – непереводаемый возглас возмущения в речи женщин.
 Иахуалак! – «Всякий, кто может! Каждый, кто в силах!» – древний клич абхазов, зовущий, предупреждающий, вдохновляющий.
 Итабуп (абх.) – спасибо.
 Иуатзашшоит аха; Урацзоуп аха! (абх.) – Хотя такое поручение и не достойно тебя!
 Киараз (груз.), ауаахэ (абх.) – трудовая взаимопомощь.
 Мацони – что-то среднее между кефиром и сметаной – объеденье! (Молоко кипятят, отстаивают, охлаждают до температуры чуть больше чем тёплый, туда заправку, постоит часа три, шалью закутанная, и – в холодильник).
 Пацкха (абх.) – хижина-плетенка.
 План – (конопля) наркотик.
 Сатамзааит, сышьтахэ уаерхан стэоуп! (абх.) – Прости, что сижу спиной к тебе!
 Уага дуатабуааит! (абх.) – Пусть врагу придётся благодарить тебя!
 Уара иуызмдыруа сара иуасхэозеи, аха! (абх.) – Хотя что я могу сказать такого, чего бы ты не знал!
 Узшаз уисасуп! Анца уисасуп! (абх.) – Ты – гость самого Творца! Ты – гость Господа!
 Уней, ухъ згеит! (абх.) – Проходи, да приму я на себя твои беды!
 Уней-сней (абх.) – взаимные уговоры, приглашения.
 Упату схы икууп! (абх.) – Твоя честь на моей голове!
 Ухацазар ухыс! (абх.) – Если ты мужчина – стреляй!
 Хай, амарджа! (абх.) – ободряющее восклицание («подтянись!», «живей!»).
 Хайт! (абх.) – междометие для выражения досады.
 Шоу удыруама? (абх.) – Знаешь ли, в чём дело?
 Эйрих-Аацных – абхазский Бог воровства и разбоя.

Александр Викторович КОСТЮНИН

родился и живет в Карелии.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Прозаик, публицист. Автор трех книг прозы.

В ноябре 2007 года за книгу рассказов «В купели белой ночи»

стал лауреатом премии имени А.И.Куприна

с вручением памятного знака «За вклад в русскую литературу».

Член Союза писателей России.

